

Феваль П.

ЮНОСТЬ ЛАГАРДЕРА

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

История Горбуна

Поль Феваль

Юность Лагардера

«Алгоритм»

1934

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

Феваль П.

Юность Лагардера / П. Феваль — «Алгоритм», 1934 — (История Горбуна)

ISBN 978-5-486-02842-7

Поль Феваль-младший (1860–1933) – французский писатель, сын романиста и драматурга Поля-Анри-Корантена Феваля, признанного мастера авантюрно-исторических романов. Создав в течение жизни более двухсот произведений, Феваль-старший остался в памяти потомков в первую очередь автором одной книги – романа «Горбун» (1857), в котором незаурядный талант позволил писателю мастерски соединить фантазию с реальностью, чудесную сказку с живой историей. После смерти писателя (1887) историки литературы надолго забыли о нем, но книги Феваля, и в первую очередь «Горбун», не переставали переиздаваться. О популярности романа говорит целая серия его продолжений, созданных сыном писателя. Роман «Юность Лагардера», представленный в данном томе, вышел в 1934 г., уже после смерти автора. Он открывает серию книг, посвященных приключениям отважного шевалье де Лагардера, вынужденного скрываться под маской горбуна. Опасные приключения, дворцовые интриги, яды, заговоры, захватывающие погони и драки, неистовые страсти любви наполняли жизнь юного де Лагардера и его друзей. Его коронный удар шпагой заставлял трепетать самых жестоких воинов, а чистое сердце покоряло неприступных красавиц.

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02842-7

© Феваль П., 1934

© Алгоритм, 1934

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	21
Глава IV	26
Глава V	30
Глава VI	33
Глава VII	37
Глава VIII	41
Глава IX	47
Глава X	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Поль Феваль

Юность Лагардера

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Часть первая

Гвасталльское наследство

Глава I

Гроздь муската

Догорал один из последних дней Страстной недели 1682 года. С гвасталльских церквей снимали колокола и отправили их в Рим к папе¹ для благословения. Дети изумленно смотрели на городские колокольни: неужто их звонкоголосые обитатели, отлитые из меди и одетые в серебро, улетели, словно ласточки да голуби? А взрослые – и богачи и бедняки – грустно качали головами и толковали меж собой:

– Ох, не пришлось бы им, когда вернутся, как раз звонить по государю нашему герцогу! Совсем он, говорят, плох...

Всякий, кому в тот вечер случалось пройти по площади Санта-Кроче, творил крестное знамение, разглядывая дворец, где угасал их добрый старый герцог. Последние лучи весеннего заката окрасили в розовый цвет белый мрамор фасада, но огней во дворце еще не зажигали.

– Только что, – говорили иные горожане, – из Франции прибыл молодой человек – не придворный ли врач? В Версале немало докторов печется о долгоденствии короля Людовика Четырнадцатого², не спасут ли они и нашего доброго государя?

– Да нет, – возражали другие, – это приехал сын проклятого де Пейроля – одна рожа со старым разбойником! Черти б их обоих разорвали!

А кумушки судачили так:

– Крысы, говорят, бегут с корабля, которому судьба затонуть, а стервятники – те, известно, наоборот: со всех сторон норовят слететься на падаль, едва зверь подохнет. Не иначе Пейроль, старый коршун, почуял мертвечину, вот и кликнул птенца, чтоб поделиться добычей. Дурной это знак – видно, смерть бродит неподалеку!

Так оно и было. Отец и сын встретились после двенадцатилетней разлуки и беседовали с глазу на глаз в нарядно убранных покоях на третьем этаже герцогского дворца. Несмотря на жару, наступившую прежде времени, окна и двери были затворены, а занавеси опущены. С каждой минутой сгущались сумерки, погружая во тьму ложе с балдахином, инкрустированные перламутром шкафы черного дерева, три резных дубовых кресла и большой деревянный сундук. В темноте уже едва можно было различить флорентийские доспехи XV века и чудный столик слоновой кости; на черном мраморном полу тускло поблескивала золотая мозаика – геральдические лилии.

Сын, Антуан де Пейроль, был тощ и долговяз, с желтоватой кожей, блеклыми волосами, бегающим взглядом, грубой и тяжелой нижней челюстью. Длинная, до пят, шпага должна была свидетельствовать о его дворянском происхождении, однако все остальное – камзол, туфли, брошенная на столик шляпа – говорило об обратном: благородные люди таких не носят...

Отец в который раз смерил сына взглядом и недовольно подумал про себя: «От него несет судейским! Ни дать ни взять – нотариус... Да нет, хуже того – судебный пристав!»

Сезар де Пейроль, интендант³ и доверенное лицо герцога Гвасталльского⁴ был так разочарован видом своего единственного отпрыска, что за полчаса не сказал ему и двух десятков

---

¹ Иннокентий XI – папа римский (1676–1689).

² Людовик XIV (1638–1715) – французский король (1643–1715), сын Людовика XIII и Анны Австрийской.

³ Здесь: должностное лицо, ведавшее полицией, судами и финансами.

слов. Но кого он ожидал увидеть? Белокурого херувимчика? Щеголя из тех, по ком сходят с ума молоденькие дурочки? Кто знает...

Расположившись в бронзовом курульном кресле, на каких в Риме в дни торжества восседали отцы отечества, старик наблюдал, как его сын, сущий скелет в отрепьях, ходит взад-вперед по темной комнате.

Как это часто бывает – вечная история с сучком и бревном в глазу! – Сезар полагал, что сам он куда как хорош собой, и не замечал, что сын удивительно похож на него. Горожане были проницательнее. Если не смотреть на разницу в возрасте и одежде – старик носил серое атласное платье и лакированные кожаные башмаки, – Антуан был вылитый отец, каким тот приехал в Гвасталлу двадцать лет назад.

Антуану еще не исполнилось и семнадцати, но он, несмотря на худобу, отличался ловкостью и изрядной силой. Отец же его подбирался к шестидесяти годам. Однако выглядел много старше, и те, кто не любил его, а таковые имелись в избытке, за глаза говорили: «От старика веет могилой!»

Сезар де Пейроль в своей жизни не ведал меры, когда дело касалось неиссякающих благ Италии: вина и красоток. И он вволю насладился ими! Не развязывая кошелька, он мог пить лучшие вина из погребов герцога Гвасталльского, а положение доверенного лица при государе давало ему полную власть над женской добродетелью: интендант взимал поцелуями недоимки с налогов и пошлин...

После апоплексического удара, однако, он вынужден был подчиниться строгим предписаниям врачей. Он сумел обуздать страсти и отвратился и от Бахуса и от Венеры. Но за все приходится платить. Было уже поздно – за первым ударом последовал и второй.

Старик опять выкарабкался, но очень сдал. Тут-то он вспомнил, что оставил в Париже сына, и послал за ним.

– Вот из-за чего я велел вам без промедления прибыть из коллежа ко мне. Теперь вы приехали. Я доволен, – бесстрастным голосом проговорил Сезар.

При этих словах Антуан вздрогнул, перестал ходить взад-вперед по комнате и обернулся к отцу.

– Вы что-то сказали? – спросил он.

– Нет-нет, – отвечал больной, – я говорил сам с собою, вы не могли понять моих слов. Возьмите табурет, сын мой, и садитесь поближе.

Времени у меня в обрез. От любого усилия со мной может приключиться третий удар, и, как мне сказали, едва ли он меня пощадит. Поэтому я буду говорить прямо и кратко.

Наружностью, Антуан, вам не взять. Вы не красавец, отнюдь не красавец. Но вы получили от меня – именно от меня, ибо мать ваша была изрядная ветреница, – дар лучший, нежели вянущая со временем красота.

Вы умны. Посему у меня есть основания полагать, что вы, не разделяя губительных предрассудков нашего сословия, и в грош не ставите то, что глупцы напыщенно именуют долгом чести, и отдаете себе отчет в том, что дворянину без денег и без покровителей не до щепетильности.

– У меня, отец, – объявил Антуан, – правило в жизни такое: если тебя зовут Пейроль, то главное – не будь дураком. Вам оно по душе?

– Bravo! – воскликнул старик. – Узнаю свою кровь! Разумнее не скажешь! Впрочем, ваши наставники писали мне о вас достаточно подробно и весьма хвалили ваш практический ум. С моей помощью, сын мой, из вас выйдет толк. Так вот: известно ли вам действительное положение наших дел? Как вы знаете, мы исходим из доброго гасконского рода – однако

---

⁴ Гвасталла – город в Италии, в провинции Эмилия. В прошлом – столица Гвасталльского герцогства, которым до 1677 г. управляли независимые герцоги Гвасталльские, затем владения их попали в руки герцогов Мантуанских.

при этом мы нищи, как церковные крысы. Так что последним Пейролям, чтобы прокормиться, пришлось продавать свои услуги владетельным и щедрым государям. Некоторые предложили свою шпагу королю Франции, но не получили в награду ничего, кроме ран, болячек, шишек и тому подобной «звонкой монеты». По вкусу ли вам такая плата, сударь мой? Отвечайте.

– Руки у меня пока на месте, и учителя фехтования в нашем коллеже говорят, что рапирой я владею не хуже других. Однако скажу честно: боевая шпага мне вовсе не по нраву. По мне, если у благородного человека есть голова на плечах, ему ни к чему подвергать себя опасностям в погоне за удачей.

Сезар кивнул головой и продолжил:

– Я всегда был того же мнения и от молодых ногтей добывал себе хлеб насущный силою своего ума. По логике вещей, я должен был бы нажать немалое состояние... Увы, это не так! Герцог Гвасталльский – один из богатейших государей Италии. Кроме наследственных владений у него еще есть огромные поместья на Сицилии, он получает свою долю прибыли от портов Генуи и Венеции. Но, к несчастью, он добродетелен.

Старик помолчал, погладил подбородок и указал рукой на флорентийские доспехи в простенке между окнами.

– Этот рыцарь, – сказал он, – хранит все мои скромные сбережения. Он набит золотыми монетами до колен. Это мало, очень мало! Сын мой, поверьте, я хотел бы оставить вам больше, но не смог, никак не смог.

Герцог любил свою жену и не увлекался другими женщинами. Не брал в руки ни карт, ни костей. Не терпел щегольства. Не вел тяжб с соседями. Судил всех строго по справедливости. Что было взять с такого человека?

Оба протяжно вздохнули, и Сезар продолжил:

– Вот уже много лет я терплю пытку: у ног моих течет золотая река, мне же с трудом удается выловить из нее несколько песчинок! Ночами я иногда даже вскакиваю от бешенства! Как я радовался, когда ехал в Гвасталлу! Я знал кое-что о светлейших герцогах Гонзага⁵, достоинства и недостатки членов этого рода были известны мне досконально. В доме Гонзага соединились обыкновенные черты всех полуденных государей: изящество и обаяние с гордостью и порывистостью. Все они, думал я, купаются в роскоши. От одного только взгляда на Италию, мой мальчик, у меня закружилась голова. Ведь у нас в Гаскони я питался кукурузой и каштанами, в Париже носил заплатанные камзолы. А здесь – солнце! Красивые женщины! Музыка! Ученые, высокомерные и невоздержанные господа! Воздух, напоенный любовью! Сокровища искусств! Палаццо и соборы из цветного мрамора...

– И вы решили, отец, – перебил его Антуан, – что здесь вы наверняка разбогатеете? Я вас понимаю – ведь и мне пришли в голову те же мысли, когда я проезжал через Турин, Перуджу, Парму и прочие пышные и веселые города.

– Будьте уверены, вам повезет больше, чем мне. Я открыл вам путь к богатству. Сам же я скоро умру. Мне понадобилось пятнадцать лет лишений, коварных козней, изнуряющей душу лжи, мелочных расчетов, чтобы накопить горсть золота. Ну, да из камня не выжмешь ни капли – не вытянешь и пистолей из государя, который не смотрит на женщин, не зарится на чужое добро и хочет быть для подданных отцом и благодетелем...

Антуан в сердцах вскочил, пнул ногой свой табурет и вскричал:

– Так ради этих-то жалких грошей вы вынудили меня покинуть гору Святой Женеьевы, промчаться через Шампань, Бургундию, Бресс, Савойю, в снегопад перевалить через Альпы, едва не загнав лошадей...

Он задохнулся от гнева.

---

⁵ Гонзага – знатный итальянский род, с 1433 г. маркизы, с 1530-го – герцоги. С 1328 по 1708 г. правили Мантуей.

Старик не обиделся, а наоборот, обрадовался, узнавая в сыне свою натуру, свою кровь. Он довольно потер жилистые руки – и вдруг, побледнев, вскочил с кресла с криком:

– Стой, несчастный!

Антуан, заметив, что на столике, рядом с его потрепанной шляпой, в большой вазе богемского хрусталя горкой были уложены виноградные гроздья, выбрал самую большую и красивую из них. Окрик отца остановил его, и он обернулся в ту сторону, где в полумраке виднелся высокий силуэт Пейроля-старшего.

– Что случилось? – спросил молодой человек.

А Сезар ласковым голосом объяснил:

– Не трогайте этого винограда. Уже темно, и вы по ошибке взяли ту самую гроздь... Впрочем, по ошибке ли? Она такая золотистая, ее так и тянет отведать, так и тянет!

– Что же из этого? Или вы оставили ее для себя? Раз так, простите великодушно.

Старик снова опустился в кресло и столь же ласково продолжал:

– Это мускат из Сицилии, его тщательно, очень тщательно выращивают... Сицилийский мускат – единственное из наслаждений, какое позволяет себе его светлость. И надобно заметить, что он признает только такие грозди, в которых как бы заключен свет этой благословенной, вечно сияющей земли...

Антуан подступил поближе к отцу и прошептал:

– Короче, виноград отравлен?

Воцарилась тишина. Наконец Сезар глухим голосом заговорил:

– Вот уже два года, как герцог Гвасталльский день ото дня чахнет... Нашему возлюбленному государю едва пятьдесят лет от роду, а на вид он дряхлее меня. Его непонятная болезнь началась после смерти жены; он думает, что скорбь, печаль и тоска потихоньку ведут его к могиле, – и покоряется своей участи. Правду знают лишь два человека: твой отец и его светлость Карл-Фердинанд IV Гонзага, герцог Мантуанский... Теперь ты понимаешь, зачем я тебя вызвал и почему сказал, что открыл тебе путь к богатству?

Антуан взял отца за руку и просто сказал:

– Благодарю.

Договор был скреплен.

– Здоровье мое таково, – произнес старик, – что я не мог не предупредить тебя. Кто знает, что случится завтра, а может быть, нынче же ночью? Оттого я и вызвал тебя немедленно. Есть вещи, которые не пристало доверять бумаге и для которых не существует достаточно надежных посланцев. Это...

– Семейная тайна, – закончил Антуан.

– Тайна трех семейств, – уточнил интендант герцога Гвасталльского. – В твоих руках, сын мой, отныне судьбы трех родов: Гонзага, Пейролей и Лагардеров.

– Последний не то чтобы очень славен...

– Будем надеяться, и не прославится. Лагардеры из породы храбрецов, пусть безрассудных, однако же способных со шпагой в руках творить чудеса. Они, как и мы, гасконцы, гасконцы из Беарна; золота у них негусто, хотя они и побогаче Пейролей. Вот и не дай им разбогатеть!

Читатель заметил: с тех пор, как сын старого негодяя сделался его сообщником, Сезар де Пейроль с холодного, церемонного «вы» перешел на доверительное «ты». Он отдышался и с горящим взором продолжал:

– Чтобы воспользоваться плодами моих замыслов, бдений и трудов, тебе потребуется кое-что знать. По смерти у герцога Гвасталльского не останется прямых потомков мужского пола. От его брака с Луизой Сполетской родились две красавицы дочери. Это сестры-близнецы, хотя одна темноволосая, а другая белокурая.

Блондинка явилась на свет чуть позже и по обычаю считается старшей⁶. Зовут ее Дория. Она вышла замуж за французского дворянчика Рене де Лагардера, который однажды заехал в наш город и покори́л ее сердце. Безрассудный брак, брак по любви!

Вскоре после того, как Дория совершила эту глупость, ее младшая сестра, Винченца, поддалась редкостному, но удивительно обманчивому обаянию своего кузена Карла-Фердинанда IV, герцога Мантуанского.

– И вы прочтите мне службу у этого любезного государя? – спросил Антуан. – Ведь, насколько я понимаю, это ради него вы стараетесь приблизить смерть герцога Гвасталльского?

– Да, сын мой, ради него.

– Так что, Карл-Фердинанд унаследует титул, должности и богатства Гвасталльских герцогов?

– Chi lo sa?⁷ – отвечал старик.

Уклончивость отцовских слов возмутила сына.

– Как? – вскричал он. – И это говорите вы – интендант, доверенное лицо, alter ego⁸ герцога Гвасталльского? Разве он скрыл от вас суть своего завещания? А если и скрыл, неужто у вас не нашлось средств противостоять его или чьим бы то ни было хитрым умыслам и уловкам?

Сезар вынужден был смущенно признать свое поражение:

– Тут мой хозяин сумел обмануть все тайные ожидания и не доверился даже тем, кто, как я сам, в первую очередь, прячет свою корысть под маской давней и неизменной преданности. Никто не знает, каково его завещание. Более того, вообще неясно, существует ли оно.

Можешь не сомневаться: первым делом я постарался развязать язык герцогским нотариусам. Я вылил водопады звонких золотых монет на конторки этих канцелярских крыс – но все напрасно! Они поклялись мне перед образом Мадонны, что не получали подобного документа от господина герцога. И это похоже на правду.

Антуан наморщил лоб.

– А не мог ли старый лис отдать свое завещание на сохранение императору?

Но Сезар лишь негромко повторил:

– Chi lo sa?

Юноша нетерпеливо топнул ногой.

– Да ведь вы живете с герцогом бок о бок! Не может быть, чтобы вы не имели ни малейшего понятия – пускай только смутной догадки – о том, кому он намерен оставить герцогство и все его несметные богатства!

– И все же это так. Ах, будь герцог Мантуанский твердо уверен, что все унаследует от своего тестя, он не стал бы так торопиться упрятать его под плиты собора Санта-Кроче. Ожидания подобного наследства развяжут перед ним любой тугой кошелек. Кто же откажется дать взаймы – само собой, под хороший процент – будущему герцогу Гвасталлы? Ведь край этот из года в год все богатеет за счет заходящих сюда торговых кораблей генуэзцев и венецианцев.

– Не может быть, – вскричал Антуан, – чтобы ваш господин решил обойти потомка своего рода и выбрать захудалого гасконского дворянчика Рене де Лагардера!

И он постарался подкрепить это соображение более веским аргументом, апеллируя к феодальному праву: герцогство Гвасталльское, рассуждал он, учреждено было германским императором и, стало быть, входит в состав Священной Римской империи. Завещав его французскому дворянину, подданному короля Франции, герцог создал бы весьма щекотливую дипломатическую ситуацию.

---

⁶ По средневековому закону старшим из близнецов признавался тот, кто появлялся на свет последним; считалось, что он был зачат раньше, поэтому дольше находился в утробе матери.

⁷ Кто знает? (ит.).

⁸ Второе я (лат.).

Отец согласно кивнул, но заметил:

– Не забывай, сын мой, что за шевалье де Лагардером стоит сам Людовик Четырнадцатый, а тебе ли не знать, сколь жаден до славы этот государь. Он с радостью возьмет под защиту гасконского дворянина, чтобы с его помощью утвердиться в Италии. Ведь он об этом только и мечтает! Так что нам остается лишь гадать...

– Ну, да не все ли равно! Вы говорите, герцогу жить недолго?

– Вне всякого сомнения, Антуан.

– Сколько, вы полагаете, он еще протянет?

– От силы месяц.

– Так у меня еще есть время!

При этих словах отец залюбовался своим достойным отпрыском.

– И что же ты задумал?

– Отправиться в Мантую, заручиться полнейшим доверием Карла-Фердинанда и, согласно его желаниям, принять некоторые меры для обеспечения его прав на гвастальское наследство.

– У тебя уже есть план? Расскажи поподробнее!

– Он еще не очень ясен. Дайте моим мыслям созреть, как созревает мускатная гроздь под лучами солнца... Кстати, отец, а вы не боитесь, торопя смерть герцога, что все выйдет наружу? Несколько лет назад в Париже маркиза де Бревилье⁹ так переусердствовала с ядами, что, несмотря на титул и связи, не избежала правосудия. Ее судили и обезглавили, после чего тело сожгли на Гревской площади, а прах развеяли по ветру.

Сезар пожал плечами:

– Попалась – и поделом ей! Твоя маркиза вела себя беспечнее младенца: кто же морит такую уйму людей крысиной отравой? Не беспокойся, виноград «от Пейроля» – верное средство тихо и изящно отделаться от ближнего.

– А я и не знал за вами столь ярких дарований, отец, – восхитился Антуан.

Но Сезар – сама скромность! – признался, что мысль не его. Рецепт яда передал ему герцог Мантуанский, который – образованнейший человек – обнаружил его в старинном манускрипте, доставшемся ему вместе с некоторыми бумагами от Медичи¹⁰.

– Тогда я спокоен! – воскликнул недавний студент коллежа в Бове. – Яд Медичи – изумительный яд, он действует безотказно и при этом не оставляет по себе никаких следов, так что историки даже порой сомневаются, действительно ли он использовался.

– Что ты имеешь в виду? – спросил старик.

– Как, отец? – с жаром отвечал Антуан. – Разве вы забыли, что, когда Жанна д'Альбре¹¹, мать юного Генриха Наваррского¹², скончалась незадолго до Варфоломеевской ночи¹³ в Париже, королевой Франции была Екатерина Медичи¹⁴? Разве изгладилось у вас из памяти, что красавица Габриэль д'Эстре¹⁵ очень вовремя отошла в мир иной в доме итальянца Дза-

---

⁹ Мари-Мадлен д'Обре (1630–1676) – знаменитая отравительница.

¹⁰ Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии; в 1434–1737 гг. (с перерывами в 1494–1512 и 1527–1530 гг.) правили Флоренцией.

¹¹ Жанна д'Альбре (1528–1572) – королева Наварры (1550–1572). Предполагают, что она была отравлена по приказу Екатерины Медичи.

¹² Генрих Наваррский (1553–1610) – французский король Генрих IV (1589–1610). Принял эдикт, устанавливающий в королевстве религиозный мир. Убит католиком-фанатиком Равальяком.

¹³ В ночь на 24 августа 1572 г. (день святого Варфоломея) католики во главе с Екатериной Медичи и Гизами устроили в Париже массовое избиение гугенотов (протестантов).

¹⁴ Екатерина Медичи (1519–1589) – французская королева (1547–1589) из рода Медичи. Жена Генриха II.

¹⁵ Габриэль д'Эстре (1573–1599) – фаворитка Генриха IV.

мето, когда Король-Повеса¹⁶ собирался на ней жениться, так что вскоре французской королевой стала Мария Медичи?¹⁷

Интендант герцога Гвасталльского удовлетворенно улыбнулся: он был доволен и своим сыном, и делом своих рук.

– Так вот, – сказал он после недолгого молчания, – о винограде. Уже два года я добавляю по капле «эликсир Медичи» в любимые кушанья моего государя. Такие дозы не убивают с ходу, зато исподволь подтачивают здоровье человека, каким бы могучим оно ни было.

Ты мог бы, Антуан, съесть эту золотистую гроздь и не почувствовать ни малейшего недомогания. Но если бы это снадобье действовало на тебя изо дня в день, силы твои стали бы таять...

Впрочем, по моим же настояниям его светлость неоднократно обращался к врачам – итальянским, немецким, венгерским. Я самолично вызывал для него лекарей из Парижа и даже из Китая...

– Вы ведете славную игру!

– Главное – я играю осторожно, наверняка. Карл-Фердинанд знает это и не торопит меня. Итак, сын мой, жизнь понемногу уходит из могучего некогда тела последнего в роду гвасталльских Гонзага. Его не терзают боли, у него ясная голова, он хорошо спит и с аппетитом ест. И все же скоро этот человек умрет – умрет, как и жил, мудрым государем и праведным христианином. Упокой, Господи, его душу!

Но как же опасно, особенно тем, кто достиг возраста Сезара де Пейроля, все поминать курносую: у нее слух куда как тонок!

В ту же ночь младшего Пейроля, которому отвели покои в левом крыле дворца, разбудил камердинер:

– Вашему батюшке очень худо!

Антуан ощутил не столько тревогу, сколько злость. Поспешно одеваясь, он думал: «Неужто я уже вот-вот стану наследником? И что же я получу? Горсть золотых монет – это хорошо. Историю с герцогским завещанием и с отравлением – это плохо... Что ж, постараемся обратить зло во благо!»

Юный гасконец нашел своего отца во власти лейб-медика герцога Гвасталльского. Кругом царил сущий хаос. Хирург пускал умирающему кровь, служанки сутились и мельтешили, а некоторые тем временем со свечами в руках уже стояли на коленях перед придворным капелланом, который читал вслух отходные молитвы.

– Сударь, – обратился к Антуану священник, брат-минорит¹⁸, – возьмите и вы свечу и молитесь с нами. Это лучшее, что можно ныне сделать для отлетающей от нас души. Прими ее с миром, милосердный Боже! *Orate, fratres!*¹⁹

Врач, который меж тем отошел вымыть руки в тазу, отозвал Антуана и подтвердил:

– Его преподобие прав: господин де Пейроль при смерти и обречен, не приходя в сознание, перейти в вечность. Мне тут больше делать нечего, ложусь спать. Ваш слуга, сударь, ваш слуга!

Антуан удержал его за рукав.

– Сколько времени продлится агония?

– Несколько часов, а может быть, и целые сутки...

---

¹⁶ Прозвище Генриха IV.

¹⁷ *Мария Медичи* – (1573–1642), французская королева (1600–1642), жена Генриха IV. Умерла в изгнании.

¹⁸ Букв.: «братья меньшие», монахи нищенствующего ордена францисканцев.

¹⁹ Молитесь, братья! (*лат.*)

Старик испустил дух в тот самый миг, когда юное солнце позолотило гвасталльские колокольни. Сердце сына было при этом так же холодно, как тело отца.

Родителя своего Антуан знал мало; впрочем, если бы даже они встречались чаще, молодой человек не стал бы лить слез, будучи по натуре не чувствителен ни к чему, кроме собственной выгоды. Ныне все мысли его были о герцогском наследстве.

Покуда слуги обряжали покойника, Антуан подвел про себя итог: «Что же, отец вовремя послал за мной. Еще немного – и я имел бы дело с мумией, а от мумии толку не добьешься. Теперь же я знаю, как обеспечить свою будущность».

Таково было прощальное слово, произнесенное сыном над мертвым телом отца и подтвердившее, что яблоко от яблони недалеко падает...

После этого юноша, изображая безутешное сыновнее горе, прижал к глазам платок и попросил оставить его наедине с покойным. Капеллан и слуги почтительно откланялись.

Хитрец провел их – он тотчас же подбежал к флорентийским доспехам, отвязал наколенники, снял поножи и в нетерпении запустил руку внутрь.

– Золото! – выдохнул он. – Золото!

И вот уже посыпались на столик слоновой кости флорины с лилиями и ликом Иоанна Крестителя²⁰, святого покровителя прекрасной Флоренции, генуэзские монеты, блестящие луидоры с профилями Людовика XIII и Короля Солнце²¹, имперские талеры, австрийские крейцеры...

Никогда еще вчерашний парижский студент не видел столько золота! От удивления он поначалу даже разинул рот, но, когда пересчитал свои сокровища, восторг его поостыл.

– Покойный отец сказал правду, – пробормотал он. – Негусто. Даже совсем мало, если подумать, сколько времени пришлось выживать эти крохи из золотого потока герцогских богатств. Двадцать тысяч ливров... тьфу! Нет, любезный Пейроль, если хочешь стать вельможей, перед которым все заискивают и трепещут, тебе нужно куда больше. Видно, твоего родителя отличали излишняя робость и щепетильность, которых не можешь позволить себе ты.

Рассудив так, Антуан собрал луидоры, флорины, талеры и крейцеры, набил ими карманы и улыбнулся.

– Золото весомо, однако только оно облегчает нам тяготы жизни. И в этом – весь секрет счастья!

Он вернул на место поножи, привязал обратно наколенники и, придвинув кресло к изголовью смертного одра, проговорил:

– А теперь займемся будущим. – И погрузился в раздумья.

Герцог Гвасталльский между тем уже целую неделю не вставал с постели. Ощущая полный упадок сил, он не заблуждался насчет своей участи. Тем более его огорчила смерть старого интенданта, о коварстве которого он и не подозревал. Узнав, что Антуан осиротел, едва прибыв во дворец, благородный и великодушный герцог исполнился сочувствия и отправил офицера дворцовой стражи сказать юноше следующее:

– Мой господин и государь приказал мне передать вам, что вы можете не беспокоиться о завтрашнем дне. Цenia заслуги вашего отца, герцог намерен обеспечить ваше будущее в Гвасталле. Его светлость не оставит вас милостями, каковые оказывал он усопшему.

Пейроль поклонился, затем поднес к глазам платок и, всхлипывая, отвечал:

– Благодарения его светлости – великая честь для меня. Но прежде чем принять их, я должен исполнить обет, данный мною святым Франциску и Кларе²² перед одром покойного

---

²⁰ Святой Иоанн Предтеча, давший крещение Христу; был схвачен и обезглавлен по приказу царя Ирода.

²¹ Прозвище Людовика XIV.

²² Франциск Ассизский (ок. 1182–1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев. Клара (1194–

моего батюшки. – Тут лицемер очень кстати издал рыдание и закончил: – Я поклялся босиком и с вервием на вые²³ подняться на Монте-Субазию²⁴ и вознести молитву Господу у гробниц великих подвижников милосердия. С позволения его светлости я хочу сдержать клятву.

Когда герцогу передали ответ Пейроля-сына, он растрогался и воскликнул:

– Какое благородное сердце!

И распорядился, чтобы юноша тотчас же после паломничества получил должность отца.

– Такова моя воля, – сказал государь, – и я надеюсь, что мой наследник не нарушит ее, когда я упокоюсь рядом с возлюбленной моей супругой.

Никто не посмел возразить умирающему, но все подумали: «Если герцогом станет Карл-Фердинанд, он, конечно, сделает все так, как ему заблагорассудится. Храни нас Бог от такого государя!»

Возвращаясь из собора Святого Павла, где под тяжелыми каменными плитами остался лежать Пейроль-отец, Антуан довольно потирал руки.

«Как важно иметь хорошее чутье, – думал он. – Теперь мне предстоит сыграть на двух досках две партии. Да еще какие партии! Если герцог Мантуанский унаследует владения и богатства своего тестя, он будет в немалой степени обязан этим мне. Да-да, ваша светлость, мне! Ведь, перебирая вещи покойного отца, я случайно наткнулся на пузырек с известным снадобьем – и вы, конечно, согласитесь, что только моя совершенная преданность вашей светлости помешала мне открыть герцогу Гвастальскому, какой недобрый ветер занес „эликсир Медичи“ к нему во дворец.

Допустим, однако, что герцог Мантуанский выставит меня вон, ибо, зная, что тесть его при смерти, не захочет вспомнить, чем он обязан тому, кого сегодня опустили в склеп. Ну что же, тогда Антуан вернется, совершив паломничество, к умирающему государю, который так благоволит к нему...

Решительно, какая блестящая мысль – поклониться гробницам святых Франциска и Клары!»

Обдумав свой следующий ход в обеих партиях, Пейроль под благовидным предлогом покинул общество соболезнующих придворных и наудачу углубился в городские кварталы, населенные беднотой.

Он очутился в лабиринте узких зловонных улочек. На окнах домов сушилось белье, в ручье посреди мостовой играли милые, точно амурчики, дети, через улицу окликали друг друга и перемигивались хорошенькие девушки с ангельскими личиками, а в подворотнях шныряли хмурые, подозрительного вида оборванцы...

Гасконец положил руку на эфес шпаги. Он неплохо владел ею и при случае мог защитить себя, однако забавы такого рода были ему не по душе – он предпочитал действовать хитростью.

Увидев у себя на пути тратторию²⁵, Антуан решил: «Зайду-ка я сюда. Я хорошо говорю на языке Данте, и не будь мне черт приятель, если я не найду здесь того, что мне нужно!»

1253) – основательница женской религиозной францисканской общины, члены ее именовались Клариссами.

²³ С веревкой на шее.

²⁴ Возвышенность, на которой стоит город Ассизи.

²⁵ Трактир, постоялый двор.

Глава II

Паломничество Пейроля

Родина Вергилия, Мантуя, издавна слыла прочнейшей из крепостей Италии, а мантуанцы всегда были склонны к предпринимательству: с древних времен в городе существуют текстильные и канатные фабрики, селитряные заводы и типографии, которые приносят прибыль и поныне.

С 1328 года Мантуя принадлежала роду герцогов Гонзага – и благоденствовала при них до той поры, когда бразды правления перешли в руки Карла-Фердинанда IV – того самого, к которому устремился младший Пейроль.

Если вы хотите составить впечатление о мантуанских Гонзага, стоит только зайти в храм Санта-Мария-делла-Грация и осмотреть их надгробия, достойные королей.

Истинное чудо являет собой и герцогский дворец – Палаццо дель Те, который строил Джулио Романо, друг и ученик самого Рафаэля. Романо был искуснейшим живописцем и зодчим; если бы Папа не ценил выше всех Рафаэля, он бы, возможно, решил доверить работы в соборе Святого Петра и в Ватикане именно Джулио.

Живя в этом редкостно роскошном дворце своих предков, Карл-Фердинанд, однако, ощущал себя нищим. А уж как ему досаждали кредиторы! Разумеется, его светлости не грозила долговая тюрьма и распродажа имущества, но никто не хотел уже поверить ему в долг и ссудить его деньгами. В долг дают лишь людям обеспеченным, а герцог Мантуанский последние два-три года таковым не являлся.

– *La mattina una messetta, l'apodinar una bassetta, e la notte una donnetta*, – часто повторял он присловье, означающее: «Утром – месса, днем – игра, вечером – любовь». Герцог строго соблюдал это венецианское правило веселой жизни.

Вступив во владение отцовским наследством, он тут же стал черпать полными горстями из сокровищниц дворца. Ничто он не считал чрезмерным роскошеством или расточительством. Скоро по всей Италии заговорили о щедрости Карла-Фердинанда, легкости, с какой он разбрасывал флорины, – и вот блестящего герцога Мантуи окружил поистине королевский двор.

Ищущие приключений или пропитания господ; всякие чародеи, алхимики, шуты; художники, скульпторы, музыканты, которые наперебой предлагали свои услуги по части росписи помещений, ваяния и лепки, постановки опер; актрисы, танцовщики и танцовщицы, стремящиеся перешеголять друг друга; само собой, доступные женщины, обманутые мужья, девицы, жаждущие заполучить богатого и щедрого друга, – вот кто был в свите Карла-Фердинанда IV.

Вся эта публика его тешила, льстила ему, ела, пила, любила за его счет и ловила золото, сыпавшееся из холеных рук его светлости. Мантуя стала самой веселой столицей в Европе – двор Людовика XIV рядом с ней показался бы унылым. Все проводили время в непрерывных удовольствиях, развлекая себя звуками мандолин, балетами, фейерверками, а главное – мимолетными галантными приключениями.

Такова была жизнь при дворе его светлости, меж тем как вне его дело обстояло иначе. Никогда до этого ни один из Гонзага не возбуждал у подданных такой ненависти. Бедняки проклинали герцога. Купцы желали гибели злодею, разорявшему их непомерными налогами. Слуги Божий осуждали его беспутство, скандальные любовные похождения, а более всего ночные оргии, которые стали притчей во языцех. Добродетельные же матроны винили его в том, что непотребным поведением он оскорблял свою супругу Винценту, черноволосую дочь герцога Гвасталльского.

Бедная Винчента! Уж она-то никак не заслужила подобного обхождения!

На шестнадцатом году жизни, чистая, как свежераспустившаяся лилия, она уступила пылким ухаживаниям своего кузена Карла-Фердинанда – тем более что перед глазами у нее был пример сестры Дории, которая теряла голову от блаженства, слушая, как у ног ее вздыхает молодой французский дворянин Рене де Лагардер. Обе четы были обвенчаны в один день.

Винченца пренебрегла предостережениями отца, не одобрявшего этот союз: он-то хорошо знал пороки и слабости герцога Мантуанского. В сердце девушки скорее нашли отклик благодушные мечтания матери, которая говорила:

– Карл-Фердинанд еще так юн, твоя любовь преобразит его! Разве он сможет противиться силе твоего ума, твоему обаянию, молодости, красоте? Ты станешь его ангелом-хранителем...

Сердобольная герцогиня искренне верила, что натура Вин-ченцы одержит верх над дурными задатками мужа и наставит его на истинный путь – единственный, ведущий к счастью!

Но герцогиня, как, впрочем, и ее супруг, не знала тайны Карла-Фердинанда.

Уже целых два года тот любил Дорию!

Он любил ее, как только может любить человек его склада и темперамента. Белокурая красавица возбуждала его сладострастие. С какой хищной радостью он бы вырвал ее из родно – го гнезда, чтобы запереть, словно в клетке, у себя во дворце и сделать своей игрушкой!

Но благоуханная роза, жар-птица его мечты, вдруг полюбила – и кого же? Захудалого дворянчика Лагардера! Мантуанский герцог был взбешен.

Мало того что этот проныра отнял у него руку желанной Дории... Карл-Фердинанд испугался, как бы еще ее отец не назвал единственными своими наследниками именно супругов Лагардер. Выход был один: скорее, возможно скорее жениться на Винченце Гвасталльской!

Винченце быстро открылась правда. Всего несколько дней провел мантуанский герцог в плотских утехх со своей юной женой, этим свежим, невинным созданием, – и оставил ее... Впрочем, будучи учтивым и утонченным вельможей, он не нарушил при этом правил приличия.

На людях Карл-Фердинанд держался с герцогиней в высшей степени любезно – и, как говорится, старался предупредить любые ее желания.

Но вечерами он больше не сопровождал супругу в ее опочивальню – это сверкающее позолотой святилище Амура...

Герцогиня была женщина светская. Эта перемена никак не отразилась на ее поведении. Можно было подумать, что она счастлива... Она не выдала своей тайны даже родителям, решившись на обман, дабы не омрачать их старость мыслями о неблагополучном ее замужестве.

Молча несла она свой крест и теперь, когда матушка ее скончалась, а отец понемногу угасал.

Все это Пейроль-младший выведal по пути из Гвасталлы в Мантую от нанятых им ради охраны четырех рослых молодцов. Они скакали на резвых лошадях долиной реки Минчо, что вытекает из Лаго-делла-Гварда, несет свои воды через Мантуанское озеро и впадает в По. Это была хорошая дорога, оживленная и, следовательно, совершенно безопасная. Но у Пейроля было при себе все золото его отца, так что его бросало в дрожь от одной мысли, что на него могут напасть и ограбить.

Впрочем, страхи страхами, а набрать телохранителей побудило его еще и желание явиться в Мантую для пушей важности со свитой. Ибо Антуан небезосновательно думал: «И так я тут всем кажусь чужаком и молокососом. А если я к тому же въеду в город, словно какой оборванец, гордец Гонзага, пожалуй, и взглянуть на меня не захочет».

Руководствуясь этим соображением, Пейроль завербовал к себе в отряд бравых красавцев, которые гарцевали на добрых лошадях. В траттории, где Антуан поселился после смерти отца, вчерашний студент коллежа в Бове без труда отыскал нужных людей. Тогда в любом

итальянском городишке хватало лихих молодцов, готовых запродать свой кинжал или шпагу всякому, кто даст им достаточно полновесные и звонкие гарантии.

Пейроль в первый же вечер смог остановить свой выбор на четверых подходящей внешности мастерах клинка. Сердце его защемило, слезы навернулись на глаза, когда он развязывал свой кошелек... «Что ж, надо – значит, надо», – думал он, извлекая из темных его глубин блестящие луидоры.

Вдобавок жестокий удар, который был нанесен его скупости, смягчило впервые испытанное им тщеславное ощущение собственного могущества и власти над людьми.

При этом в дороге Антуан держал себя по-свойски и в первой подвернувшейся им харчевне, спросив на всех вина, услышал кое-что от своих удалцов. Ведь этим авантюристам были ведомы тайны всех знатных семейств Апеннинского полуострова, все скандалы, все сплетни...

– Что надо этим бродягам? – вскричал герцог Мантуанский, видя, что Пейроль со своим храбрым воинством въехал к нему на двор. – Как они посмели сюда явиться?

В тот день он был сильно не в духе.

По герцогству ходили тревожные слухи, будто мантуанские купцы и мещане, не вынеся все новых поборов, сговорились ворваться во дворец и выбросить государя из окна. При этом некоторые из герцогских наушников сообщали чудовищные, хотя, быть может, местами не слишком правдивые подробности заговора.

«Уж не послан ли это ко мне сброд депутатов?» – гневно подумал герцог, стоя у окна своей спальни. Уже много ночей его светлость одолевала бессонница, и теперь, несмотря на белый день, он все еще безуспешно пытался уснуть.

Меж тем Пейроль во дворе изображал из себя вельможу: подождал, пока кто-то из его свиты спешится, после соскочил на землю сам и отдал повод «оруженосцу». Затем он поманил одного из герцогских слуг, гревшихся на солнце:

– Эй ты, висельник, поди-ка сюда!

Когда же тот подбежал, Антуан, не глядя на него, небрежно приказал:

– Скажи хозяину, что прибыл господин де Пейроль, у которого к его светлости важное и срочное дело. Важное и срочное – понял?

Выслушав доклад слуги, Карл-Фердинанд нахмурил свои черные, будто тушью выведенные брови.

– Что за вздор? Нет там никакого де Пейроля! Мне ли не знать этого старого негодяя!

Тут он внимательно взгляделся в лицо юноши, одетого в траур.

– *Per Vaccho!*²⁶ – выругался герцог. – Этот малый очень похож на интенданта моего почтенного тестя! Что за наваждение?

До Мантуи еще не дошла весть о скоропостижной смерти Пейроля-отца.

Так как герцог – обыкновенно сама любезность – в тот день был в скверном настроении, он подумал: «Верно, старый лис решил послать своего родича, чтобы выудить у меня денежки!»

И, придя в ярость, крикнул слуге:

– Скажи этому оборванцу, пусть убирается! Я его не знаю и знать не желаю!

Однако никакой итальянец, будь он даже самого низкого звания, не передаст подобного приказа дословно. Так что, вернувшись к Пейролю, лукавый слуга в изысканнейших выражениях объявил просителю, что в аудиенции отказано.

Юноша ничуть не смутился, но, заметив, что слуга поглядывает исподтишка на некое открытое окно, хладнокровно сказал:

---

²⁶ Черт возьми! (ит.)

– Любезный, произошло некоторое недоразумение. Его светлость, как видно, не понял, что я сын одного из ближайших его друзей – ныне, увы, уже покойного. Так ответь мне... – Он указал рукой на то окно, которое притягивало к себе взоры лакея: – Его светлость, вероятно, там? Я так и знал!.. А не с дамой ли? Нет? Чудесно! Тогда попрошу передать всемилостивейшему господину герцогу одну вещицу, которая послужит мне лучшей рекомендацией...

С этими словами юный плут на глазах у невозмутимой свиты и лакея, который разинул от изумления рот, развязал тесемки своего объемистого кошелька, извлек оттуда нечто, завернутое в тряпицу, и бережно, словно мать распеленывает ребенка, принялся освобождать сей загадочный предмет от покровов.

– Вот, гляди, – улыбнулся Антуан.

Это оказалась гроздь мускатного винограда.

Карл-Фердинанд тоже напряг зрение – и вдруг, переменившись в лице, перегнулся через подоконник и крикнул путнику в трауре:

– Входите, сударь, я жду вас!

Как ни был самоуверен младший Пейроль, он все же оробел при виде высокомерного герцога Мантуанского, который сидел в кресле, небрежно перекинув ногу за ногу, и презрительно глядел на него из-под полуопущенных век.

Карл-Фердинанд и в домашнем платье выглядел по обыкновению импозантно: тонкое бледное лицо, стройная белая шея в пене изящных кружев, холеные руки, выглядывающие из венецианских манжет, иссиня-черные крупные локоны, казавшиеся дорогим парадным париком.

Все в этом государе обличало гордость и твердую волю в сочетании с прирожденным даром притворства: и резко очерченные дуги бровей, и орлиный нос, и живые каштаново-бархатные глаза, вдруг загоравшиеся золотистыми искорками, и тонкие алые губы...

Хотя Антуан еще не так хорошо разбирался в людях, герцога он раскусил с первого же взгляда: «Блестящий вельможа, но служить ему будет непросто».

Не поведя и бровью, смотрел Гонзага на этого юнца, который, согнувшись пополам в поклоне, мел пером шляпы пол и мямлил:

– Государь... почитаю высочайшей честью засвидетельствовать вашей светлости...

Герцог оглядел его с головы до ног с нескрываемым недовольством и подумал: «Экий скользкий малый... на дворянина совсем не похож... Не то училишка, не то судейский, не то лавочник... кто знает, что там у него в ножнах! Уж не вертел ли? Словом, надо спровадить его поскорее».

Не предложив юноше сесть, Карл-Фердинанд томным голосом сказал:

– Что вам угодно, молодой человек? Разве вы не слыхали, что я нездоров?

Обескураженный весьма прохладным приемом, Пейроль так и застыл в поклоне, не решаясь поднять глаза на герцога. Однако мысль о виноградной кисти очень скоро придала ему смелости. Как бы ни пытался Карл-Фердинанд изображать из себя небожителя, он тем не менее всецело в руках у него. У Антуана!

– Государь, – сказал он тихо, – если бы не мое искреннее желание защитить интересы столь могущественного властителя, я бы никогда не перешагнул порога вашего дома. Быть может, я поступил дерзко...

– Несомненно, – сухо сказал герцог.

– Простите же великодушно и предоставьте мне изложить то, с чем я, сын небезызвестного вам Сезара де Пейроля, ехал сюда из Гвасталлы.

Карл-Фердинанд не возразил, и Антуан бойко повел свою речь дальше:

– Когда я попал в Гвасталлу, меня заинтересовал сочный виноград, который подают у его светлости герцога – да продлит Господь его дни! Мне еще подумалось: Страстная неделя – и

вдруг столь роскошный дар лета! А потом я нашел вот этот пузырек... Разрешите же, сударь, вернуть его вам!

И он вынул из кармана склянку с ядом Медичи.

Герцог Гонзага побледнел, однако промолчал и только пристально поглядел на Пейроля. Не зная о смерти своего сообщника, он терялся в догадках. Кто же стоит перед ним – простой ли проходимец, которому удалось проникнуть в его страшную тайну, или вымогатель, действующий по поручению старого Пейроля. Наконец герцог бесстрастно проговорил:

– Сударь, мне странны ваши темные намеки, и я советую вам как следует усвоить: всякому, кто вздумает докучать Карлу-Фердинанду Четвертому из рода Гонзага, остается только помолиться Богу. Вы меня поняли?

Пейроль улыбнулся и ответил:

– Я ведь принял меры. Прежде чем отправиться сюда предложить свои услуги вашей светлости, я вручил стряпчему, хранившему завещание драгоценного и приснопамятного моего отца, некий запечатанный пакет, содержащий сведения об одном особом сорте мускатного винограда и флакон с жидкостью, улучшающей вкус золотистых сицилийских гроздьев... – Он бросил склянку на ковер и расхохотался: – А в этой бутылочке, государь, – *aqua simplex*, обычная вода!

«Ну-ну, – подумал герцог, не теряя, однако, самообладания, – а малый-то, оказывается, не промах... Придется быть с ним поосторожнее».

И он невозмутимо указал молодому Пейролю на кресло. Тот сел, довольно отметив про себя: «Как видно, шансы мои повышаются. То-то же!»

После недолгого молчания, которого юноша не пытался нарушить, Карл-Фердинанд сказал:

– Вы только что произнесли слова о моем приснопамятном отце. Неужели достойного интенданта моего тестя уже нет в живых?

– Увы, со вчерашнего дня он покоится под одной из плит собора Святого Павла... Наипредусмотрительнейший из отцов, он спешно вызвал меня к себе, когда понял, что жить ему осталось недолго. И в первую же ночь после моего приезда в Гвасталлу его сразил апоплексический удар.

Слава небесам, в своей печали я утешен хоть тем, что отец успел поведать мне о том, что заботило его перед смертью, и в частности о справедливых притязаниях вашей светлости...

Щеки герцога порозовели.

– То, чем издавна владели Гонзага, – заявил он, – обязано остаться у них!

– Вне всякого сомнения, – согласился Пейроль.

С этой минуты высокомерного Карла-Фердинанда как подменили. Видя, что Пейроль-младший готов служить его интересам, герцог встал, направился к торопливо вскочившему юноше и ласково протянул ему руку.

– В лице вашего отца, друг мой, – произнес он с чувством, – я потерял надежного союзника. Но мне кажется, что вы, несмотря на свою молодость, а может быть, как раз благодаря ей, не только замените, но и превзойдете его. Не правда ли?

– Конечно, государь, – ответил без ложной скромности Пейроль, – а как же иначе?

С этими словами он закрыл окно, проверил, нет ли кого за дверными портьерами, затем приблизился к Карлу-Фердинанду и прошептал:

– Герцог Гвасталльский угасает. И месяца не пройдет, как он упокоится в соборе Санта-Кроче. Времени осталось немного, так что нам следует поторопиться. Мой отец кое-чего не предусмотрел. Так позвольте мне, государь, изложить, что надумал я.

Глава III

Счастлиное семейство

Русло реки Гав-де-По выше Лурда окаймляют вначале пологие холмы, между которыми тянется Лаведанская долина, от места же, где Гав сливается с Котре, начинаются крутые горы. Иные из них достигают трех тысяч метров, и их вершины, покрытые вечными снегами, купаются в лазури.

На границе этих двух местностей, там, где равнину сменяют горы, находится Аржелес-Газо.

В те времена, о которых мы повествуем, Аржелес представлял собой настоящую глухомань – едва ли не край света.

Подобные уединенные уголки земли словно созданы для влюбленных. Что бы там ни говорили, истинное счастье способны познать только несуетные люди. Надо уметь довольствоваться малым, пить лишь ключевую воду и жить одной любовью – и тогда вам откроется настоящее блаженство.

Именно любовью и жили в Аржелесе Рене де Лагардер и его жена; пища их была скудной, и одного только было на их столе всегда вдоволь: жареных каштанов.

Да и как еще, если не по любви, тут оказалась бы молодая красавица итальянка знатного происхождения? Дория Гонзага Гвасталльская провела детство и юность среди роскоши, окруженная толпой слуг. Нарядам ее позавидовали бы германская императрица и венгерская королева! Она пила из драгоценных кубков и ездила на породистых лошадях. Ей кланялись кардиналы, и благороднейшие вельможи почли бы за великое счастье получить ее руку.

И вот она поселилась в родовой усадьбе Лагардеров. Это было провинциальное жилище без всяких претензий: только башня и голубятня говорили о том, что оно дворянское. Дом был выстроен из золотистого туфа; по стенам к черепичной крыше тянулся вверх виноград, а вокруг благоухали кусты жимолости и жасмина. В ясные дни дом был весь залит солнцем, из окон же открывался то возвышенный, то печальный – смотря по времени года – вид.

Счастливо текла здесь жизнь госпожи де Лагардер. Радостная, беззаботная, она вполне довольствовалась властью над двумя служанками-беарнезками²⁷, преданной горничной Сюзон Бернар и тремя лакеями, которые помогали и в доме, и в поле и были на посылках. Мало было надо, чтобы блистательная дочь герцога Гвасталльского весь день пела от счастья: лишь бы муж утром обнял ее и в восторге прошептал:

– Дория, Дория, золотая моя!

Любовь словно птица: витает там, где захочет. Рене де Лагардер, едва представ перед красавицей герцогской дочерью, сразу же завоевал ее сердце.

Это был настоящий гасконский дворянин: стройный, крепкого телосложения, с голубыми, отливающими сталью глазами. Красотою он мог бы сравниться, а то и поспорить с дворянами Италии. Ибо в его облике не было ни намека на их изнеженность, женственность: одно лишь мужественное французское изящество, каким был так славен король Генрих IV. Не это ли пленило Дорию? Как знать... Истинные влюбленные неспособны объяснить, за что они любят.

После свадьбы, покидая вместе со своей женой герцогский дворец в Гвасталле, Рене мог сказать, подобно завоевателю Галлии²⁸: «Пришел, увидел, победил». Был миг, когда безмерность счастья даже испугала его. Вдруг, думал он, жена, пожертвовавшая для него всем, в конце

---

²⁷ Жители французской исторической провинции Беарн.

²⁸ Слова «Пришел, увидел, победил» («veni, vidi, vici») принадлежат римскому политическому деятелю и полководцу Гаю Юлию Цезарю (101-44 гг. до н. э.), произнесшему их в 47 г. до н. э. после победы над боспорским царем Фарнаком. В 58–51 гг. до н. э. Цезарь завоевал Галлию. Автор «Записок о галльской войне».

концов не выдержит однообразия деревенской жизни и затоскует в глуши? Но Дория только посмеялась над его опасениями и развеяла их, решительно объявив:

– Хоть на край света, где ни души вокруг, – лишь бы с тобой, *caro mio!*²⁹

Время оказалось не властно над этими словами. Дория наслаждалась обществом своего мужа и забыла ради него весь мир.

Однажды, вскоре после приезда в Аржелес, Рене де Лагардер, в который уже раз любясь своей женой, нежно спросил ее:

– Хочешь, отправимся зимой в Версаль? Это будет чудесная поездка! Неужели ты не мечтаешь блеснуть при французском дворе? Твое происхождение позволяет тебе рассчитывать на достойный прием – да и мы, Лагардеры, издавна обладаем привилегией сидеть в карете короля! Ты не знала об этом? Правда, титулов нам даровано не было, однако род наш очень древний и дал Франции немало славных рыцарей. К тому же я служил в мушкетерской роте господина д'Артаньяна.

Дория только недоуменно поглядела на своего Рене.

Сколько женщин во Франции – да и во всей Европе – жило неосуществимой мечтой показаться в Версале! Однако дочь герцога Гвасталльского об этом даже не помышляла. Она любила мужа – и была совершенно счастлива.

Впрочем, Рене де Лагардер не отступился. Он не искал почестей для себя – но не хотел, чтобы его жена называлась просто госпожой де Лагардер, и задумал получить графский титул. Тайком от Дории Рене написал одному из друзей, который имел доступ к Королю Солнце, прося найти способ представить ко двору свою жену. С притязаниями на титул он предпочел пока повременить.

А спустя всего несколько дней Дория, зардевшись от радости и волнения, шепнула на ухо любимому, что у них будет наследник. Молодая женщина не сомневалась: она родит своему мужу сына!

Рене разделил ее радость, но одновременно и обеспокоился. Осознав, что превращается из влюбленного молодожена в отца семейства, он задумался о будущем...

Если родится сын, нужно будет дать ему достойное воспитание, поместить в коллеж, представить ко двору, словом, вывести в люди. Если дочь – еще больше хлопот: придется собирать приданое...

Только сейчас Рене де Лагардер заметил, как скучно он живет: прежде его целиком поглощала любовь. Он отдал себе отчет, что денег у него нет, что его скромное поместье приносит ровно столько доходов, сколько требуется для двоих непритязательных людей, что земли его заброшены и поросли бурьяном – и что его обожаемая Дория носит самые простые платья...

Вы спросите: как могло случиться, что дочь богатейшего властителя Италии покинула родительский кров без гроша за душой? Вот как это было.

Хотите верьте, хотите – нет, но в тот день, когда Рене де Лагардер понял, что любит Дорию, он сказал себе:

– У меня есть только моя шпага, – она же так богата! Если я посватаюсь к ней, никто не поверит в мою любовь. Всякий назовет меня подлым охотником за приданым. Так не бывать же тому!

Сказано – сделано. На другой день на рассвете он, даже не попрощавшись с хозяевами, вскочил в седло. Он хотел бежать, бежать, как вор, и навсегда покинуть прекрасную герцогскую дочь, которая не может принадлежать бедному гасконцу!

Однако белокурая сестрица Винченцы тоже была влюблена – и поднялась в то утро очень рано. Выйдя на балкон, Дория оперлась на мраморные перила и взглянула на двор. Тут она с

---

²⁹ Сердце мое (*ит.*).

удивлением увидела, что молодой французский дворянин собирается в путь, – все прочла в его душе, как в открытой книге.

Девушка кликнула свою преданную камеристку и показала на всадника, который подтягивал у лошади подпруги.

– Передай господину де Лагардеру, что я прошу его остаться, ибо намерена выйти за него замуж!

Рене закусил губу, однако повиновался. Спустя час Дория с герцогской смелостью призвала его к себе и в присутствии Винченцы сказала:

– Господин де Лагардер, угодно ли вам, чтобы я просила у герцога, моего отца, вашей руки? Ибо знайте: я не мыслю своим мужем никого другого, кроме вас, и последую за вами, куда бы вы ни направлялись.

Тут Винченце пришлось притвориться, что она засмотрелась на что-то во дворе, так как сестра ее подошла к юноше и скрепила свое признание поцелуем.

Однако едва Лагардер опомнился, он не замедлил поделиться с возлюбленной своими щепетильными соображениями.

– Ну что же, – сказала Дория, – если вас смущает мое богатство, то я прошу позволения взять только свадебную рубашку да кое-какие девичьи безделушки.

На это гордый гасконец согласился с легким сердцем.

Герцог и герцогиня Гвасталльские были безмерно удивлены, когда перед ними рука об руку появились Рене с Дорией. Еще больше они изумились, узнав, что молодые люди не просят ничего, кроме согласия на их брак.

Тщетно герцогиня, уверяя, что ценит бескорыстие Лагардера, умоляла его взять если не приданое дочери, то хотя бы, выражаясь языком юристов, «денежный аванс в счет будущего наследства». Тот был непоколебим: он твердо решил увезти из Гвасталлы только свою белокурую возлюбленную да ее брачную рубашку.

Но Дория тайком от своего молодого супруга и господина захватила из отчего дома, помимо девичьих колец и ожерелий, также небольшой запас дукатов, флоринов, луидоров и цехинов, на чем настояла ее мать.

Впоследствии Лагардерам крайнегодились эти деньги.

Предчувствие не обмануло красавицу Дорию: в положенное время на свет явился крепкий мальчуган. Его назвали Анри – по трем причинам. Во-первых, потому, что в Гаскони все еще жива была память о добром короле Анри – Генрихе IV. Во-вторых, потому, что один из предков Рене был любимцем и личным секретарем этого Короля Повесы. И в-третьих, потому, что это имя получил при крещении дед мальчика, герцог Гвасталльский.

По случаю крестин состоялся праздник, на который было приглашено все окрестное дворянство. За новорожденного выпили немало жюрансонского вина, закусывая цыплятами по-беарнски.

На крестинах дальние родственники приступили к Рене де Лагардеру с расспросами. Зная историю его женитьбы, они считали этот брак редкостно удачным, но вот дальнейшее поведение Рене – неразумным. Один из них выразил общее мнение:

– Что ж, у тебя славный потомок. Уже сейчас ясно: мальчишка станет настоящим беарнцем. Он унаследует все достоинства нашей породы: и храбрость, и веселый нрав... Только этого, пожалуй, будет мало. Надобны еще денежки! Так порадуй нас и скажи, верно ли, что герцог Гвасталльский собрался отказать все состояние – говорят, огромное – твоему малышу.

– С чего вы взяли? – расхохотался молодой отец. – У меня с Дорией хватает, слава богу, ума не ждать манны небесной.

Гости, однако, потребовали объяснений – не из праздного любопытства, а на правах родственников. Тогда Рене, подтверждая благородство своей натуры, сказал:

– Никто не знает воли моего тестя. Но, полагаю, достояние Гонзага не должно перейти к чужеземцу – это было бы вопиющей несправедливостью. Оно по праву обязано принадлежать семье моего свояка герцога Мантуанского, старшего в другой ветви Гонзага. Винченца, его жена, более всех достойна пользоваться отцовскими богатствами.

Рене не знал – и, увы, так и не узнал – о беспутном поведении Карла-Фердинанда, ибо Винченца, которая часто писала сестре, была столь сильна духом, что даже ей не открыла своего горя.

Именно Винченца и сообщила Лагардерам о смерти герцогини Гвасталльской и о недуге, который поразил овдовевшего государя, – и, наконец, о том, что дни их батюшки сочтены.

Дория хотела было поехать в Гвасталлу попрощаться с отцом, однако жестокая лихорадка задержала ее. А когда, вопреки всем стараниям невежественных лекарей, она справилась с болезнью, пришло письмо от герцога Мантуанского, которое заставило ее, скрепя сердце, отказаться от задуманной поездки.

Карл-Фердинанд писал своим изящным, кудреватым почерком:

«Винченца, полагаю, сообщала вам, что состояние здоровья досточтимого герцога, моего тестя, внушает серьезнейшие опасения; но, чтобы не слишком тревожить вас, она, несомненно, не открыла вам всей правды. Я же, любезная Дория, считаю своим долгом поведать об истинном положении дел, так как знаю, что дочерние чувства могут побудить вас пуститься в путешествие, которое будет сопряжено с немалыми тяготами и расходами. Поверьте, что приезжать в Гвасталлу вам вовсе не следует, ибо возлюбленный наш государь впал в детство и давно уже никого не узнает – даже Винченцу. Вам это зрелище только причинило бы боль; помочь же герцогу и как-то укрепить его дух вы, к несчастью, не сможете».

Рене де Лагардер и его супруга нимало не усомнились в искренности и правдивости своего родственника и, горестно вздохнув, остались дома.

Несколько месяцев спустя Сюзон Бернар, горничная и наперсница Дории, вынуждена была посреди ночи вскочить с постели, натянуть на себя юбку, накинуть на плечи платок и сунуть ноги в туфли: кто-то из всех сил колотил в ворота, выкрикивая страшные слова:

– Именем короля!

Сюзон высекла огонь, зажгла свечу и, прикрыв ее рукою, отворила окованную железом дверь. У ворот стоял незнакомый дворянин, а к кольцу, вделанному в ограду, привязан был взмыленный конь.

– Простите, сударыня, – произнес он, – что мне пришлось потревожить сон столь обворожительной особы... Право же, я не виноват! У меня поручение от его сиятельства графа д'Аркашона.

Упомянутый граф д'Аркашон был губернатором Беарна – всесильным наместником Людовика XIV в По.

Сюзон присела в кокетливом реверансе, показав красивые маленькие ножки, обласкала гонца взглядом и провела в помещение, которое служило – как это часто бывает в деревенских усадьбах – и кухней и столовой.

– Мне неизвестно, сударыня, – сказал посланец, – из-за чего господин губернатор изволил в столь поздний час направить меня сюда. Дело, должно быть, величайшей важности... – И он достал запечатанный пакет. – Пожалуйста, передайте это господину де Лагардеру. Мне было велено дожидаться ответа.

Шум разбудил не только горничную, но и Дорию с Рене. Молодой человек тотчас же поднялся, натянул сапоги и схватился за шпагу.

Постучав, в спальню вошла Сюзон со свечой. При свете ее супруги прочли послание – десяток строк, собственноручно писанных графом д'Аркашоном. Губернатор просил господина де Лагардера незамедлительно явиться в По для разговора о деле, имеющем до него прямое касательство.

Войны не было, тяжб Лагардер ни с кем не вел, явных врагов не имел... Супруги недоумевали: зачем это Рене понадобился губернатору?

И вдруг Дория, озаренная страшной догадкой, побледнев, воскликнула:

– Отец умер!

– С какой бы стати тогда господин д'Аркашон вызывал меня в По? Смерть твоего отца совершенно не касается нашего губернатора, да и как он мог узнать о ней? – возразил муж.

Но Дория со слезами на глазах повторила:

– Говорю тебе – отец умер!

Рене де Лагардер привык действовать быстро и решительно. Он повернулся к Сюзон:

– Вот что, голубушка, скажи курьеру господина д'Аркашона, что я сию же минуту еду с ним, да распорядись накормить его, покуда я собираюсь. А ради меня никого не буди: я и сам управлюсь.

Через полчаса господин де Фоваз (так звали гонца) и Рене де Лагардер в морозном тумане, наползавшем с окрестных гор, уже неслись вскачь по дороге в По. Господин де Фоваз и рад был бы удовлетворить законное любопытство своего спутника, однако ему самому было мало что известно.

– Граф послал меня к вам с этим письмом, – объяснял он, – после того как получил с нарочным пакет из Версаля. Я как раз был тогда в его кабинете. По всей вероятности, вести добрые: наш славный губернатор всю улыбался, когда писал вам, а он, сами знаете, на улыбки не щедр...

Глава IV

Переворот

Франциск-Карл-Генрих Гонзага, герцог Гвасталльский, был при смерти...

Яд Медичи медленно, но верно довершил свое страшное дело. Умиравший сохранял здравый рассудок, но жизненные силы покидали его исхудавшее тело.

Незавидной была доля властителей минувших веков. Рабы своего жребия, они все время были на виду и обречены были вечно скрывать свои чувства; даже умирали они на публике. Герцог Гвасталльский не стал исключением из общего правила...

Исповедавшись, его светлость повелел широко распахнуть двери просторной опочивальни, где он готовился отдать Богу свою безгрешную душу.

Все давно ожидали этой минуты.

В раззолоченных гостиных, в прихожих, в коридорах толпились люди.

Первыми к умирающему рука об руку вошли Карл-Фердинанд IV и прекрасная даже в своем горе Винченца.

За ними на предписанном этикетом расстоянии следовали приближенные обоих герцогов, придворные дамы покойной герцогини Гвасталльской и Винченцы и прежние фрейлины Дории. Затем настал черед младших офицеров, городского подеста³⁰, судей, нотариусов и именитых горожан.

Отдельно шествовали священнослужители.

Наконец позволили войти простолюдинам. Многим из них не хватило места в комнате, и они опускались на колени на лестницах и в коридорах – и даже на площади перед палаццо истово молилась толпа горожан. Печальный звон доносился с гвасталльских колоколен...

Герцог сидел на ложе под балдахином, украшенным белыми перьями; оно находилось на возвышении, покрытом темно-красным бархатом. Спокойный ясный взор государя был устремлен на собравшихся.

Винченца подошла к отцу, преклонила колени и прижалась лбом к его руке. Рядом стоял ее супруг. Этот отъявленный притворщик прекрасно изображал приличествующую минуте скорбь, но мысли его были далеко – там, где находился сейчас юный негодяй де Пейроль.

Никто в опочивальне даже не заметил отсутствия Антуана; все, затаив дыхание, ждали последних слов умирающего герцога.

Наконец государь заговорил:

– Верноподданные мои, я всегда вас любил и уношу эту любовь с собой. Тот, кто наследует мой титул, тоже будет любить вас... Мой выбор верен... Я знаю: это человек отважный и благородный... Итак, вы не останетесь без отца и покровителя... – Он замолчал, с трудом переводя дыхание.

Сердце Карла-Фердинанда бешено колотилось; он вытянул шею и впился глазами в тестя, ожидая, что тот назовет сейчас имя нового властителя Гвасталлы. Однако смерть, завладев своей жертвой, уже облачала ее в ледяные доспехи. Герцог из последних сил попытался еще что-то добавить – но смог лишь еле слышно прохрипеть:

– Жена... жена скажет!

И голова его упала на подушку. Все было кончено.

Церемониймейстер сделал шаг к усопшему, но Винченца безмолвно остановила его, закрыла отцу глаза и запечатлела на его челе прощальный поцелуй.

---

³⁰ Городской голова в Италии.

Из уст в уста передавалась горестная весть, и у всех она вызывала искренние слезы. При этом толковали и о последних словах государя: «Жена скажет!»

Что бы это значило? – гадали люди. Каким образом покойная герцогиня может сообщить волю того, с кем она ныне встретилась в царстве теней?

Однако недолго эта загадка занимала умы горожан. Вскоре всех облетела иная, поразительная и тревожная новость:

– Городские ворота заперты... Никого не пускают и не выпускают...

Разнесся и совсем уж невероятный слух:

– Неподалеку от городских стен стоят лагерем уланы!

Слух этот, однако, подтвердился. Едва герцог испустил дух, во дворце невесть откуда появились солдаты с пиками и мушкетами, которые заняли кордегарию³¹, оружейную и даже приемные.

Герцог Мантуанский – невозмутимый, разве что чуть побледневший – по-прежнему стоял рядом с рыдающей Винцентой на месте, подобающем родственнику.

А Антуан де Пейроль действовал.

В богатой одежде и хорошо вооруженный, он разъезжал повсюду с четверкой все тех же своих телохранителей и отдавал приказы заплонившему город войску. Никто не ведет себя наглее вчерашнего нищего! Антуан не считал нужным отвечать ни на какие вопросы. Он расставлял своих людей, не устаивая взглядом ни простых горожан, ни даже дворян, пытавшихся у него хоть что-то выведать.

Но вот, гарцуя во дворе герцогского палаццо и любуясь шестью только что доставленными пушками, Антуан заметил направлявшегося к нему городского подесту – второе после герцога лицо в стране, которому впредь до воцарения нового государя принадлежала по закону вся власть в Гвасталле.

– Послушайте, – сказал он, подойдя ближе, – кажется, вы командуете этими воинами?

Антуан снизошел до ответа:

– Да, они подчиняются мне.

– Чьим же именем вы отдаете приказы?

– Именем императора Священной Римской империи. Герцогство занято войсками его величества!

Подеста сжал кулаки и подумал: «Знал бы заранее – созвал бы городское ополчение!» И плюнул с досады.

Вечером благочестивая Винченца, весь день не отходившая от тела отца, отослала с гонцом письмо к сестре в Аржелес. Карл-Фердинанд давно уже ушел к себе и теперь ужинал вместе с Пейролем.

Они обсуждали последние события и радовались своей удаче.

– Не прав ли я был, государь, – говорил Антуан, – когда советовал вашей светлости действовать решительно? В городе никто даже не пикнул, так что гвастальское наследство ваше!

Карл-Фердинанд, однако, был не вполне доволен:

– Признаться, мне не дает покоя завещание покойного тестя. Если обнаружится, что наследником объявлен не я, то разве поможет мне весь этот тайный заговор?

Но Пейролю все виделось в розовом свете:

– Не волнуйтесь, государь, для начала нынче же ночью надежные люди под моим призором отвезут в Мантую несколько сундуков с сокровищами покойника – царство ему небесное! Разве плохо будет получить целую кучу золота и драгоценных камней?

Гонзага согласился:

---

³¹ Караульное помещение.

– Ты прав, добыча недурна, и я от нее не откажусь – да и тебя не забуду. Ты тоже получишь свою долю слитков, звонких монет и драгоценностей... Но что, если меня выгонят из Гвасталлы?

– Кто? Разве вы не договорились обо всем с его императорским величеством?³²

– Ты забыл о другом величестве – версальском. Будь этот треклятый Лагардер провозглашен законным наследником, за паршивого гасконского дворянчика – черти бы его разорвали! – вступится сам король Людовик!

Пейроль налил себе вина, залпом осушил кубок и ухмыльнулся:

– Ну а если, допустим, род Лагардеров угаснет? Останется ли тогда какое-либо препятствие, отделяющее вашу светлость от короны гвасталльского герцога?

– Ни единого. Прав Винченцы никто оспаривать не сможет.

– Раз так, – подытожил Пейроль-младший, – я, право, не понимаю: разве в Гаскони мускатные гроздья зреют хуже, нежели здесь, в Гвасталле?

На другой день гвасталльский подеста явился в собор Санта-Кроче. Предстояла церемония вскрытия фамильного склепа герцогов Гвасталлы: покойный государь должен был занять место подле своей супруги.

Гробницу украшало великолепное беломраморное изваяние лежащей женщины, изображающее герцогиню на смертном ложе. Рядом было оставлено место для изваяния герцога: предусмотрительный скульптор даже заранее вырезал в камне высокое изголовье.

Нечего было и думать снять это тяжелое, поистине королевское надгробие, так что рабочие попросту вынули несколько боковых плит – и доступ в склеп был свободен.

Немного подождя, чтобы воздух внутри стал свежее, вниз спустили лестницу. Сначала туда сошли двое слуг с факелами, затем – подеста, двое судей, церемониймейстер и начальник дворцовой стражи. От герцога Мантуанского при вскрытии склепа присутствовал Антуан де Пейроль.

Гроб герцогини возвышался на постаменте черного мрамора. Собравшиеся посмотрели – и при всем благоговении к месту вечного упокоения не сдержали изумленного возгласа:

– Завещание!

Обеспокоенный Пейроль подошел поближе.

На гробе лежал свинцовый пенал, опечатанный черными сургучными печатями. Так вот что означали последние слова Франциска-Карла-Генриха Гонзаги, герцога Гвасталльского.

Видимо, не доверяя своим приближенным, он собственноручно отнес документ в склеп и оставил его на хранение своей возлюбленной супруге.

– Потерпите, сударь, – отстранил подеста Пейроля, бесперемонно протянувшего было руку к завещанию, – дайте мне исполнить мой долг. – Он взял пенал и показал его присутствующим: – Беру вас всех в свидетели, господа, что здесь, следует полагать, заключена последняя воля нашего дражайшего герцога, и передаю сей предмет в руки судей...

А через два часа в тронном зале дворца перед многочисленной публикой предстали два герцогских нотариуса и подеста. Подойдя к дивной работы лазуритовому столику, они выложили для всеобщего обозрения уже ставший знаменитым свинцовый пенал.

Потом сломали печати, вскрыли футляр – и подеста извлек оттуда пергаментный свиток.

Ни Винченца, ни Карл-Фердинанд на церемонию не пришли: она из деликатности, он – из гордости. Но Антуан де Пейроль с высокомерным видом стоял возле самого столика.

Завещание было очень длинным.

Мы избавим читателя от подробностей: мудрых советов будущему владельцу Гвасталлы, слов прощания с Дорией и Винчентой, распоряжений, касающихся отпевания и заупокойных

---

³² Имеется в виду император Священной Римской империи.

служб, поминальных вкладов городским церквям, даров монастырям, щедрой милостыни бедным...

Пейроль с нетерпением, хотя и без особой надежды, ждал главных слов – и они поразили его в самое сердце. Размеренно, громким голосом подеста прочитал:

– «Мне благоугодно передать суверенные права на мое герцогство дочери моей Дории, которой поможет править ее супруг, благородный господин де Лагардер. От вышеназванной дочери моей Дории герцогский престол да перейдет по наследству к детям ее. Предаю проклятию и обвиняю перед Богом всякого и всякую, кто вознамерится воспрепятствовать исполнению моей ясно выраженной государевой воли».

Да, воля герцога была выражена совершенно ясно.

Что же до Винченцы, то ей отец завещал внушительную ренту, но исключительно на правах неделимой и неотторжимой личной собственности. Муж ее даже не был упомянут.

Пейроль торопливо покинул собрание, подумав: «Завещание завещанием, а голова на плечах тоже кое-чего стоит!»

Герцог Мантуанский, выслушав доклад Антуана, дал волю своему гневу и поклялся истребить весь род Лагардеров.

Однако на людях он вел себя как ни в чем не бывало и вечером на поминках сидел на почетном месте во главе стола подле своей жены, как это предусматривалось придворным этикетом. Когда же после супруги остались наедине, Винченца сказала:

– Я рада, насколько это возможно в нынешних обстоятельствах, что покойный батюшка распорядился так, а не иначе. Милая Дория вышла замуж по любви, – однако она живет в бедности, в глухом углу, а у нее сын... Теперь она переедет в Гвасталлу и будет править герцогством на благо своих подданных.

Гонзага поклонился:

– Полностью согласен с вами, сударыня. Раз вы довольны, то и я доволен. Завет же вашего покойного отца для меня священен и навсегда останется таковым.

Безутешная дочь герцога Гвасталльского продолжала:

– А ренту свою я передам вам. Мне много не нужно.

Карл-Фердинанд молча поднес руку жены к губам и поцеловал ее.

Винченца еще сказала:

– Надо сообщить Дории о смерти отца и о доставшемся ей богатстве. Сегодня же напишу ей большое письмо, а завтра пошлю кого-нибудь из служащих мне дворян отвезти его.

Не прошло десяти минут после этого разговора, как герцог Мантуанский вызвал молодого Пейроля и сказал:

– Завтра поедет гонец в Аржелес к этим чертовым Лагардерам. За ним надо выслать погоню: он не должен пересечь Альпы. За Моденой начинаются глубокие ущелья, где всаднику немудрено упасть и сломать себе шею. Вы поняли?

Глава V

Королевское благоволение

Замок По не назовешь великолепным, но в очаровании ему не откажешь. Конечно, древностью он не сравнится с замками, что высятся вдоль течения Луары, с крепостями Лангедока или старинными твердынями Бретани: камни, из которых он выстроен, еще не потемнели от времени.

Замок относится к XIV столетию. Именно тогда Гастон-Феб де Фуа³³ возвел его на месте крепостцы, сооруженной одним из виконтов Беарнских в X веке.

В этом замке и ожидал граф д'Аркашон, губернатор Беарна, господина Лагардера.

Беарн – это поистине жемчужина во французской короне. Римляне, не без труда завоевавшие этот край, называли его «Бегарнум». Потом сюда пришли варвары, и племена их, сменяя друг друга, задержались тут надолго...

В 1290 году беарнцы, оставшись без сеньора, отдали себя под власть графов Фуа. Когда же одна из девиц этого дома выходила замуж, она получила Беарн в приданое, и он отошел семье д'Альбре. Жанна д'Альбре, жена Антуана Бурбона, короля Наваррского, была, как известно, матерью Генриха IV.

С 1594 года Беарн стал одной из провинций французского королевства, что окончательно закрепил в 1620 году указ Людовика XIII. Вот почему этот уголок Пиренейских гор ныне озяряло сияние Короля-Солнце.

...На рассвете Рене де Лагардер и господин де Фоваз увидели две изящные башенки по углам главных ворот замка По и массивную квадратную башню с зубцами, венчающую здание.

Общеизвестно, что Людовик XIV был строг к своим министрам и наместникам, требуя от них добросовестного отношения к должности. Так что граф д'Аркашон, несмотря на столь ранний час, был уже на ногах. Узнав о приезде Рене де Лагардера, он в первую очередь распорядился дать молодому человеку, утомленному ночной ездой, поесть и передохнуть. Лишь после этого губернатор принял Рене в большом светлом кабинете, за окнами которого сияли снегами пиренейские вершины.

– Милостивый государь! – сказал гостю д'Аркашон. – Я удостоен чести сообщить вам о деле, касающемся вашего семейства и имеющем государственное значение.

Лагардер растерянно молчал, а губернатор склонился над заваленным бумагами столом, взял нужный документ и благоговейно объявил:

– Его величество даже соизволил лично написать мне об этом деле!

И граф познакомил Рене с подробностями, которые мы здесь изложим лишь вкратце.

Покойный герцог Гвастальский был не так бесхитростен, как кое-кто мог о нем думать, судя по видимости. Вскоре после брака Винченцы с Карлом-Фердинандом он догадался, что за человек его зять и как с ним несчастлива Винченца, и положил любой ценой не допустить, чтобы герцог Мантуанский стал его наследником.

Читатель знает, как герцог в прямом смысле в могиле скрыл от посторонних посягательств свое завещание. Но предосторожность его простерлась еще далее. Копия этого документа с собственноручной подписью завещателя и датой была направлена в Версаль вместе с письмом, в котором герцог извещал Людовика XIV, что его подданный Рене де Лагардер может от имени жены своей Дории предъявить права на вступление в наследство немедленно после кончины тестя, о каковой к французскому королю доставит особое сообщение нарочный.

---

³³ *Гастон-Феб де Фуа* (1331–1391) – граф Фуа и виконт Беарнский (с 1343 г.); был разносторонне образован, содержал пышный двор, все свои богатства завещал королю Франции.

Так что напрасно Антуан де Пейроль послал убийц по следу гонца, которого отправила к сестре герцогиня Мантуанская. Ибо в тот же день из города выехал верный слуга покойного властителя Гвасталлы, пересек в Мон-Сени заснеженные Альпы и сел в Шамбери в почтовый дилижанс, следующий в Версаль.

Людовик XIV мнил себя первым сыном Франции и считал священным долгом короля всемерно заботиться о подданных. Поэтому, узнав о смерти герцога Гонзаги, он не замедлил письменно подтвердить, что из его королевского благоволения – такова была тогда официальная формула – возлюбленный дворянин его благородный Рене де Лагардер объявляется отныне и впредь герцогом Гвасталльским. Далее великий Людовик писал, что берет означенного господина де Лагардера под свое покровительство и обязуется защищать его от всех и всяческих недругов, прибегая в крайней нужде даже и к силе оружия.

– Итак, милостивый государь, – улыбнулся граф д'Аркашон, – вот вам случай поджечь Европу, чтобы изжарить себе яичницу!

Рене тоже улыбнулся.

– Господин губернатор, – сказал он, – несколько месяцев назад я бы не соблазнился этим лакомством. Все счастье для меня заключалось в любви и безмятежной жизни – ибо только это, что бы там ни говорили гордецы и честолюбцы, способно дать истинное удовлетворение сердцу и уму. Но теперь, граф, все видится мне в ином свете: ведь я отец! Мой сын Анри вправе воспользоваться этим наследством, и ради него я соглашаюсь.

Граф д'Аркашон поклонился:

– В таком случае, милостивый государь, благоволите подписать вот это.

И он вручил Лагардеру документ, в котором тот признавал себя вассалом Людовика XIV, последний же обязывался выступать гарантом его власти над герцогством.

Граф д'Аркашон был недалек от истины: гвасталльское наследство едва не дало повод к войне. Впрочем, германский император, только что крепко битый, не решился ссориться с французским королем. Он посоветовал герцогу Мантуанскому подать в суд и одолжил денег для ведения тяжбы.

Карл-Фердинанд обратился в парижский парламент с иском о признании за ним и за его женою прав на Гвасталлу по причине их кровного родства с герцогом Гонзагой.

На головы бедных Лагардеров обрушилась настоящая бумажная лавина. Проводив пришедшего с первой такой бумагой судебного исполнителя, Рене впал в отчаяние:

– Как же нам выдержать эту борьбу? Ведь надо будет оплачивать судебные издержки, нанимать адвоката – а мы и так едва сводим концы с концами!

Но Дория, засмеявшись, прильнула к мужу:

– Хорошо, что не во всем послушалась я тогда моего гордого гасконца!

– Что это значит, душа моя?

– А вот послушай! Ты отказался от моего богатого приданого – и я не стала с тобой спорить. Но ты разрешил мне взять с собой мои девичьи украшения – а я к ним добавила еще и горсть золотых монет, которые нам теперь будут очень кстати!

А через короткое время чета Лагардеров получила послание от Карла-Фердинанда. Герцог Мантуанский с притворным прискорбием писал, будто бы из-за болезни жены не сумел вовремя объясниться с горячо любимыми французскими родственниками по поводу этой недостойной возни вокруг гвасталльского наследства. Уже в этом он лгал: на самом деле Винченца, уставшая от унижения, на которое обрекало ее беспутство мужа, решила удалиться от мира и поселиться в одном из монастырей...

Далее хитрый интриган перекладывал на германского императора всю ответственность и за переворот в Гвасталле, и за процесс, проходящий в парижском парламенте. Он же, Гонзага, тут ни при чем: с него и Мантуи довольно!

В заключение Карл-Фердинанд сообщал, что, дорожа более всего добрыми семейными отношениями, он в скором времени рассчитывает навестить своих гасконских родственников.

И Лагардеры поверили в искренность его намерений, полагая, что все люди должны быть столь же честны, как и они сами.

Покровительство короля оказало свое действие, и процесс окончился довольно быстро. Однажды у дома Лагардеров вновь появился славный господин де Фоваз; его открытое лицо торжествующе сияло. Он отдал повод лакею и во весь голос закричал:

– Победа!

Услышав весть, привезенную посланцем господина д'Аркашона, супруги на радостях кинулись друг другу в объятия.

– Спасены! – смеялись они сквозь слезы. – Наследство останется у малыша Анри, и он будет итальянским герцогом! Сам король Франции назовет его своим кузеном! Да здравствует юный Генрих Гвасталльский!

Какие розовые мечты лелеют родители над колыбелью своего дитяти! И как же обыкновенно потешается над ними неумолимая судьба!

Так ли безоблачно было будущее Анри де Лагардера? Верно ли, что его отныне ожидала лишь безбедная юность, не ведающая тревог зрелость и столь же спокойная, обеспеченная старость? Взяв на себя роль добросовестного хроникера, мы обязаны изложить ход дальнейших событий, но не вправе торопить их...

Итак, сообщаем: новость, доставленная господином де Фовазом, послужила поводом для веселой дружеской пирушки, жертвами которой пали ни в чем не повинные куры с гусями да добрый молочный поросенок...

Глава VI

Полюбовное соглашение

Меж тем как Лагардеры ликовали, курьер из Франции привез Карлу-Фердинанду в Гвасталлу дурную для него весть: большая палата парижского парламента признала законным завещание покойного герцога Гвасталльского. Решение это доведено до сведения Рене де Лагардера и его жены.

Антуан де Пейроль, выслушав это сообщение, испытал одновременно радость и досаду. Приспешник самозванного правителя Гвасталлы сообщал: «Если Гонзага получит еще один титул и будет богат, если его перестанут донимать кредиторы, то захочет ли он знаться со мной? А вот если он по-прежнему будет нуждаться в деньгах, а стало быть, и в верном подручном для исполнения своих замыслов, то какие заманчивые возможности откроются тогда перед хитроумным сыном Сезара де Пейроля!»

Жадный и коварный, Антуан за последнее время сумел добиться многого.

Как известно, после смерти старого герцога Гвасталльского к власти при помощи имперских рейтаров и улан пришел его мантуанский зять. Однако на самом деле от имени Карла-Фердинанда в Гвасталле правил недавний парижский студент – и правил сурово!

Никогда еще из местных обывателей не выжимали столько золота. Никогда прежде бремя налогов не было таким тяжким.

В прохладе церквей и палаццо втайне плелись сети заговора: горожане не желали мириться с всевластием новоявленного деспота. Помочь им обещали и мантуанские дворяне.

Разумеется, Пейроль, действуя именем своего государя, старался не из преданности ему и даже не из властолюбия. Он заботился только о собственной выгоде, полными горстями черпая из герцогской казны. Юный мошенник оказался куда предприимчивее покойного батюшки: знакомые читателю рыцарские доспехи, по-прежнему стоявшие во дворце в покоях Сезара де Пейроля, уже были набиты золотыми монетами до середины набедренников.

Что же до самого герцога Мантуанского, то он, проводив в монастырь супругу, предавался теперь в гвасталльском дворце всевозможным наслаждениям. Пирывали за пирами, партию в бассет сменяла партия в ландкнехт³⁴. Строгие прежде залы и кабинеты – свидетели благочестивой жизни старого герцога – наполнились звуками скрипок, топотом танцующих и женским смехом: блеск золота манил в Гвасталлу все новых красавиц...

Пейроль был вторым лицом в герцогстве, так что его расположения добивались многие. Пьяницей и обжорой он не стал, однако к женским прелестям был равнодушен и красоткам в их просьбах отказывал редко, требуя, впрочем, плату вперед и натурой.

Раздумывая над донесением прибывшего из Франции курьера, мошенник осознал, что его судьба вот-вот круто изменится и сладкая гвасталльская жизнь отойдет в область воспоминаний. Однако терять знатного покровителя он вовсе не собирался и хотел, невзирая на вердикт парижского парламента, предложить средство поправить дело, дабы доказать его светлости свою незаменимость.

Все как следует взвесив, Антуан направился с докладом к Карлу-Фердинанду.

...Герцог был не один. Когда Пейроль по праву ближайшего советника запросто распахнул двери его кабинета, там помимо хозяина находились еще двое молодых людей и четыре хохочущих девицы. Компания пировала.

Гонзага гневно обернулся к вошедшему.

– Как ты посмел сюда явиться? – вскричал он. – Разве ты не видишь, что я занят?

---

³⁴ Карточные игры.

– Государь, – ответил ловкач, поклонившись, – мне надобно немедля поговорить с вашей светлостью наедине. Дело весьма важное.

– Черт побери! – вышел из себя герцог. – Каков наглец! Палка по тебе плачет! Ведь сказано тебе, что мне недосуг... И потом, – добавил он, помолчав, – тут все свои, и у нас друг от друга секретов нет.

Судя по тому, в каком беспорядке находились туалеты дам, недостойный супруг Винченцы не лгал: даже Пейроль мог посматривать исподтишка на прелести легкомысленных герцогских подруг. Сегодня, однако, у него были совершенно иные интересы.

– Ваша светлость, – ничуть не смущаясь, продолжал он, – прогневается на меня, если я не открою вам теперь всей правды. Государь, ваша тяжба проиграна!

Пейроль, не заметив, что под рукой у герцога лежала тяжелая трость, подошел на свою беду слишком уж близко...

Герцог, побледнев от бешенства, закусил губу, проворно схватил трость и под визг девиц прогулялся ею по хребту Антуана.

– Мерзавец! Негодяй! – подкреплял он крепкой бранью каждый удар.

Только сломав трость, герцог успокоился и рассмеялся пьяным смехом.

– Ну, отвел душу! Кажется, – пояснил он гостям, – будто я отдубасил этих крючкотворов из парижского парламента! – Пейролю же пообещал: – За испорченное платье я сполна уплачу тебе; закажи новое и пошли мне счет!

Антуан был из тех, которые радуются, когда их бьют: ведь такие люди не преминут взыскать с хозяина за нанесенный им ущерб...

Улыбаясь, герцог вернулся на место, налил себе шампанского и объявил:

– Друзья мои, мы разорены! Судьи французского короля признали завещание покойного герцога Гвасталльского законным.

Сотрапезники встретили это сообщение соболезнующими возгласами, но герцог только отмахнулся:

– Пока император не сказал своего слова, спор не решен. Так что давайте пить, есть и любить!

И он повелительным жестом отпустил Пейроля.

А через несколько часов Антуана разбудил лакей, посланный Карлом-Фердинандом. Поспешно одевшись, юный плут прошел в герцогскую спальню – ту самую, где не так давно испустил свой последний вздох блаженной памяти прежний правитель Гвасталлы.

Гонзага еще не ложился.

Хмель с него сошел, и он снова стал вежлив. Расхаживая с озабоченным видом взад-вперед по комнате, Карл-Фердинанд советовался с сообщником:

– Не знаю, что мне и делать, друг мой. Решение парижского парламента обжалованию не подлежит. Французского короля император боится чрезвычайно. Пока дело было не закончено, он еще мог давать мне войска. Но теперь приговор вынесен, и он наверняка отзовет из Гвасталлы своих рейтаров и улан, чтобы не создавать *casus belli*³⁵.

Антуан хмуро подтвердил:

– Все верно: на судейские мантии членов парламента бросает отблеск корона Людовика Четырнадцатого, рядом с их весами лежит его меч... Если императорские войска не уйдут отсюда, то скоро можно ждать драгун и гусар христианнейшего короля.

Герцог подошел к своему поверенному почти вплотную:

– Между мной и гвасталльским наследством стоят всего трое: Рене, Дория и их сын Анри... Что ты мне посоветуешь?

Антуан зловеще ухмыльнулся:

---

³⁵ Повод к войне (лат.).

– Государь, вся эта гасконская троица не страшна нам. Разве пузырек с «эликсиром Медичи» уже опустел?

Гонзага покачал головой:

– Я отказался от этой мысли. Лагардеры окружены честными и верными слугами. Бьюсь об заклад, никто из них не захочет и притронуться к склянке с ядом. Вдобавок за помещьем внимательно наблюдает губернатор граф д'Аркашон. Малейшая неосторожность погубит меня: от правосудия французского короля я не укроюсь даже в Италии.

Наступило долгое молчание. Наконец Антуан кротко произнес:

– Я бы посоветовал вашей светлости отдохнуть в кругу родных...

Гонзага действовал осмотрительно. Он велел объявить через глашатаев и даже расклеить повсюду на улицах решение суда по делу о гвасталльском наследстве. Без тени смущения он торжественно и прилюдно передал всю власть над городом подесте «впредь до прибытия возлюбленного брата нашего Рене де Лагардера и дражайшей сестры нашей Дории», как он сам во всеуслышание заявил.

После отречения он приказал императорским войскам оставить город и самолично принимал их прощальный парад. На другой день он тоже покинул Гвасталлу. С величавым спокойствием герцог ехал верхом во главе своего двора, равнодушный к радостным кликам народа, который избавился наконец от злого властителя.

При этом тянущиеся в хвосте поезда выючные мулы и ослы не были нагружены мешками с золотом – Гонзага уезжал с пустыми руками. Однако читатель помнит, что после кончины герцога Гвасталльского Пейроль переправил в Мантую сундуки, полные золотых монет и драгоценных камней. Мало того, карманы герцогских придворных были до отказа набиты флоринами, дукатами и талерами, похищенными у Лагардеров...

А вскоре были преданы огласке дальнейшие замыслы Карла-Фердинанда IV.

Он собирался отправиться во Францию, остановиться в Версале, попросить аудиенции у французского короля и попытаться решить спор о гвасталльском наследстве полюбовным соглашением.

План его светлости состоял в следующем. Исходя из того, что только итальянец может быть полноправным государем на Апеннинах, герцог намерен был предложить – с дозволения его христианнейшего величества – предоставить семье Лагардеров солидную денежную компенсацию, а в придачу этот древнейший и почтеннейший род мог бы получить во Франции герцогский титул.

Гонзага говорил:

– Пускай мой братец Рене станет герцогом, тогда Дория будет называться герцогиней де Лагардер, а их сын Анри унаследует со временем титул своего деда – герцога Гвасталльского.

Все нашли это благородным, так что в обоих герцогствах многие постарались забыть прежнюю неприязнь к Карлу-Фердинанду.

Даже Винченца поверила своему коварному супругу и из монастыря Сан-Дамиано прислала ему письмо, в котором одобряла предложенный им план.

Карл-Фердинанд был доволен и, потирая руки, говорил Пейролю:

– Итак, молва на нашей стороне; теперь самое время нанести визит в Гасконь!

Из экономии герцог не взял с собой большой свиты. Дорога обещала быть безопасной – к чему же ему были напрасные издержки?

Ранним утром, когда первые лучи солнца только-только позолотили горные вершины, Карл-Фердинанд выступил в путь. Его сопровождали Пейроль и четверо крепких молодцов – те самые, которых завербовал Антуан в день похорон старого Сезара. На них всегда можно было положиться.

Отряд ехал на север.

На короткое время он задержался в Ассизи – прославленном в христианском мире месте паломничества. Своих людей Гонзага оставил в деревне, сам же направился в монастырь, где жила его жена... Каково же было изумление Винченцы при виде супруга, на коленях молившего ее о прощении своих тяжких грехов!

Взволнованная Винченца тут же от всего сердца простила его, велела подняться и ласково спросила:

– Вы не заедете ли к Дории и к Рене, не поцелуете ли крошку Анри?

Карл-Фердинанд отвечал:

– С радостью, но только на обратном пути из Версаля, после того как его величество примет мое предложение. А впрочем... – Он сделал вид, что задумался. – Впрочем, не поехать ли мне прежде в Аржелес? Быть может, лучше заручиться вначале согласием наших дорогих сородичей?

Винченца поддержала его.

Вернувшись с Монте-Субазии, герцог сиял.

– Какая удача! – говорил он Пейролю. – Она сама по – просила меня заехать к Лагардерам... Все складывается замечательно!

Однажды в полдень у ворот поместья Лагардеров появились два богато одетых всадника на породистых лошадях. На стук вышла Сюзон Бернар. Не спешиваясь, один из них бросил:

– Карл-Фердинанд, герцог Мантуанский!

Хорошенькая горничная присела в низком, едва ли не до земли реверансе. Антуан де Пейроль широко осклабился.

Спустя несколько минут в скромной гостиной Лагардеров их мантуанский кузен уже нежно прижимал к сердцу Рене и Дорию.

– Ах, как я рад видеть вас, родные мои! Право, только в семейном кругу по-настоящему отдыхаешь душой!

Кормилица-бедарезка принесла малыша Анри – и радость гостя удвоилась: разыгрывая растроганного дядюшку, он взял мальчугана на руки, расцеловал его и воскликнул:

– Вот моя надежда! Милая Винченца, к нашему общему сожалению, не подарила мне наследника, однако меня утешает та мысль, что, когда я упокоюсь в мантуанском соборе, герцогский престол займет достойный государь!

– Что вы такое говорите, братец? – недоуменно распахнула голубые глаза Дория.

Карл-Фердинанд пожал плечами:

– Кому же еще мне завещать мое герцогство? Филиппу Гонзага, нашему дальнему родственнику, который живет во Франции? У него и так куча денег и вдобавок богатые друзья, герцоги Орлеанский и Неверский... К чему бы ему лишние хлопоты с мантуанским наследством? Так что знайте, дорогая моя Дория, что свой титул и герцогство я завещаю малышу Анри!

Рене с женой изумленно глядели друг на друга. Не сон ли это? Неужто их первенца и впрямь ожидает такое счастье?

Глава VII

Сердечные дела

Общеизвестно: деньги часто дают повод для раздоров и распрей, так что жены начинают люто ненавидеть мужей, матери – сыновей, братья – сестер... Бывало, из-за наследственных споров даже вспыхивали войны!

Не мудрено, что Рене почувствовал себя неловко.

– Но как же... – сказал он. – Ведь после суда... – Хозяин запнулся.

Карл-Фердинанд передал младенца кормилице, поправил кружевное жабо, опустился в кресло и небрежно ответил:

– Вы имеете в виду эту тяжбу? Безделица! Герцог Мантуанский не нуждается в герцогстве Гвасталльском.

И он повторил Лагардерам то, что писал им в своем недавнем письме:

– Я сам ни за что не посмел бы оспаривать последнюю волю покойного моего тестя. Но император желал непременно оставаться сюзереном³⁶ Гвасталльского герцогства – равно как и Мантуанского. Вы, конечно, помните, какие он со своей стороны принял меры?

– Разумеется, – в один голос подтвердили Рене и Дория.

Гонзага достал табакерку и взял понюшку испанского табаку.

– Императорские войска заняли город без моего ведома, и я очутился в двусмысленном положении. Мне пришлось принять власть над Гвасталлой, а затем меня силой заставили подать иск в парижский парламент... Что ж, я проиграл – и, как видите, счастлив! Но довольно о делах – у нас еще будет время вернуться к ним. Дайте мне отогреться душой в вашем уютном доме!

И Карл-Фердинанд послал Дории взгляд, полный вспыхнувшей в нем с новой силой страсти:

– Вы, кузина, по-прежнему прекрасны! Точнее сказать, ваши чары стали еще более неотразимы...

Поистине гениальным актером был герцог Мантуанский! Ему не составило никакого труда обмануть доверчивых родителей Анри. Они ни на секунду не усомнились в его искренности и поверили, что герцог и впрямь не добивается гвасталльского наследства, а в их глухие края его привели исключительно родственные чувства и забота о будущем Анри.

Итак, Карл-Фердинанд, по его словам, отогревался душой – а Пейроль тем временем предавался, скорее, плотским наслаждениям.

Сюзон Бернар, хорошенькая брюнетка с атласной кожей, нрав имела веселый, натуру страстную, и ей очень не доставало мужского общества.

Этим-то и воспользовался негодяй Пейроль. Как ни был он тощ и сутул, затворнице Сюзон он показался самым Амуром, сыном Венеры!

Победу он одержал легко: стоило лишь войти и улыбнуться... Вдобавок, не слишком надеясь на свою внешность, юный проходимец обещал красотке жениться.

– Я честный дворянин и добрый католик, – говорил он. – Даю вам слово, прелестная Сюзон: стоит вам захотеть – и вы станете госпожой де Пейроль!

Бедная девушка и без того уступила бы ему, а уж надежда сделаться почтенной замужней дамой и вовсе вскружила ей голову.

Отныне дверь в спальню Сюзон больше не запиралась...

---

³⁶ Высший сеньор по отношению к вассалам.

Однажды ночью Сюзон не спалось. При жемчужном свете полной луны она думала о своей жизни – о нынешнем блаженстве и о грядущем счастье. Сюзон свято верила клятвам человека, который сейчас беспокойно метался во сне подле нее.

– Через несколько недель я выйду замуж и последую за Антуаном сначала в Версаль, а потом в Мانتую... Ах, как сладко, должно быть, жить в Италии!

Вдруг она удивленно приподнялась на локте.

Пейроль вполголоса произносил какие-то отрывочные слова.

– Уж не о нашей ли любви?

Она с радостным любопытством прислушалась... И тут ее лицо исказилось и застыло; ужас сковал ее члены. Антуан де Пейроль грезил вовсе не о ласках! Невнятные слова вырывались из его уст, лишь иногда Сюзон могла кое-что разобрать, – но и этого оказалось довольно.

– Какой ужас! – прошептала она. – Какой ужас!

Вот что говорил ее любовник:

– Отравление... наследство... старый герцог умирал долго... избавиться от Лагардеров... огромное богатство... яд... Подстроить несчастный случай в горах...

Долго ли продолжалось это сонное бормотание? Да всего несколько минут.

Но Сюзон они показались вечностью. От страха пот лил с нее ручьями. Она едва дышала.

Неужто тот, кто спит сейчас возле нее, – гнусный отравитель, убийца? Неужто они с герцогом Мантуанским – сообщники? Неужто эти двое задумали какое-то преступление против семьи Лагардеров?

Разум Сюзон отказывался поверить в такое злодейство, однако сердце у нее все же было не на месте.

Проснувшись, Антуан увидел, что рядом никого нет, удивился, потянулся, зевнул и подумал про себя: «Что-то раненько она поднялась. А, должно быть, ее позвала хозяйка. Хороша девица! Жаль бросать ее так скоро! Я даже готов сдержать свое обещание и жениться на ней; она того, право слово, стоит... Но нет, месье де Пейроль, служба герцогу – прежде всего!»

А пока он так вот лениво размышлял, бедняжка Сюзон, потрясенная, как никогда в жизни, освежала утренней прохладой горевшее лицо и глядела на розовевшие в лучах восходящего солнца горные вершины.

«Что же мне делать? – думала она, ломая руки. – Что же мне делать?»

Казалось бы, чего проще: отправиться к госпоже де Лагардер и все ей рассказать! Однако Сюзон обуревали сомнения.

Дория была строга к себе и к окружающим и держала слуг лишь безупречного поведения – после первой же провинности она, хорошенько отчитав, увольняла их.

– Если я во всем признаюсь, – рыдала Сюзон, – она прогонит меня! А ведь я так люблю малютку Анри и так предана его матери!

Поразмыслив, бедняжка пришла вот к чему: «Хозяйка все равно не поверит мне. Мало ли что может наговорить человек, которого мучают кошмары. Да и смею ли я обвинять монсеньора герцога Мантуанского? Ведь госпожа Дория – сестра ему!»

Герцог встал перед ней как живой – простой, милый, приветливый, ведущий с хозяином дома долгие душевные беседы... Неужели обходительный вельможа отравил гвасталльского государя и хочет отправить на тот свет семью Лагардеров?

– Нет! – решила она. – Я и заикнуться про такое не смогу!

Несколько раз Сюзон Бернар приступала к Пейролю с расспросами, но тот свято хранил свои секреты и ничего не рассказывал ей. Он только смеялся над женским любопытством и крепко целовал горничную, так что в конце концов она совершенно успокоилась и втихомолку радовалась тому, что не поддавалась первому побуждению: «Кабы я открыла рот, госпожа де Лагардер немедленно прогнала бы меня!»

Но она все-таки сказала своему возлюбленному:

– А знаете ли вы, сладкий мой, что вы порой говорите сами с собой по ночам? Мне иногда даже страшно делается!

Пейроль не на шутку перепугался: «Что же я такое наболтал?»

Однако виду не подал, а спокойно пожал плечами и отвечал:

– Знаю, знаю! Меня частенько донимают жуткие кошмары. – Он помолчал с минуту и продолжал: – Кинжалы... яд... покойники... это началось в ту самую ночь, когда я приехал в Гвасталлу на зов дорогого батюшки и он скончался у меня на руках! – Антуан тяжело вздохнул и притворился, будто утирает слезы: – Как же я любил своего отца! Никого у меня больше не осталось на земле после его смерти... Какое счастье, что я повстречал вас, Сюзон, *carissima mia*!³⁷ Что бы я делал в этой скорбной юдоли без вашей ласки, вашей красоты?

На том и успокоилось сердце Сюзон; она теперь даже смеялась, вспоминая, как бессонной ночью вслушивалась в страшные слова, слетавшие с губ ее милого жениха.

Вдобавок от горничной не могло укрыться то обстоятельство, что дружба между Лагардерами и их знатным родичем день ото дня крепла.

Однажды Сюзон суежилась вокруг Дории, занимаясь ее утренним нарядом, а та задумчиво говорила:

– Право, не знаю, на что решиться... Мы оказались в весьма трудном положении – так не выручит ли нас твой беарнский здравый смысл?

– Всем сердцем рада служить вам, сударыня, – горячо ответила служанка. – Чем я могу помочь вам?

Неторопливо расчесывая солнечно-золотистые волосы, Дория рассказывала:

– Речь идет о будущем моего сына... Как ты знаешь, Сюзон, по закону герцогство Гвастальское – наше; нам осталось только поехать туда и вступить во владение. Но, видишь ли, милейший герцог предложил нам заключить с ним договор... Он хочет соблюсти семейные традиции, и ему жаль, что это богатое герцогство переходит не к итальянцам, – и я, пускай только отчасти, согласна с ним: ведь я тоже происхожу из рода Гонзага...

– Но, сударыня, – отвечала Сюзон, – вы еще и мать маленького Анри де Лагардера!

– Потому-то я и колеблюсь!

– Я хорошо знаю вас, сударыня: вы не захотите навредить своему сыночку, этой невинной крошке!

– Что ты, Сюзон, никто и не собирается лишать его того, что принадлежит ему по праву! Мой кузен предлагает любовную, дружескую сделку. Он испросит дозволения у короля быть герцогом Мантуанским и Гвастальским. Мужу он для начала даст большого отступного, а затем и порядочную ренту. С этими деньгами Рене сможет стать герцогом и пэром Франции, а Анри, когда подрастет, будет герцогом Гвастальским!

– Ох! – восторженно воскликнула Сюзон. – Вот бы славно!

Но Дория покачала белокурой головкой и вздохнула:

– Я боюсь за мужа и за сына... Французское королевство ведет много войн, а в Италии спокойно и тихо.

Сюзон, ты не знаешь Лагардеров! Когда у этих людей в руке шпага, в них словно бес вселяется! Они идут навстречу смерти с презрительной улыбкой и с сияющим взглядом. Когда мой муж станет герцогом, ему дадут под начало полк – и прощай наша здешняя тихая жизнь! Мы поселимся в людном Париже или роскошном Версале, а не то – в каком-нибудь пограничном городке на угрюмом туманном севере. Прямо дрожь берет!

А с годами я начну бояться за сына – он ведь наверняка пойдет в Рене!..

---

³⁷ Дорогая моя! (*ит.*)

– Что ж, сударыня, – заключила Сюзон, – делайте так, как вам сердце подсказывает... Ведь и вправду тем, кто больше всего дорог вам, в Италии будет безопаснее, чем во Франции.

– Ах, Сюзон, – снова вздохнула Дория, – твои рассуждения справедливы. Но нам так не хочется огорчать герцога!

В тот же вечер простодушная горничная без всякого злого умысла пересказала Антуану этот разговор. Пейроль прикинулся, будто болтовня невесты ничуть не занимает его, и небрежно отмахнулся.

– Терпеть не могу женских сплетен! – сказал он. – Иди-ка лучше сюда да поцелуй меня, моя красавица!

Наутро он отыскал своего хозяина и в укромном уголке передал ему слова Сюзон.

– Вот и чудесно! – обрадовался Гонзага. – Я едва не умер здесь от тоски и скуки. И как только удалось мне выдержать эти нескончаемые две недели?! Хозяин – деревенский простофиля, кухня невыносимо добродетельна, а мальчонка только и умеет, что пищать да реветь! – И, доверительно положив руку на плечо Антуану, он объявил: – Отправляйся в По, купишь мне там любую безделицу. Да смотри – в первой же лавке не бери, походи по городу, загляни в несколько трактиров... Можешь даже поколотить какого-нибудь мужлана... Главное, чтобы в городе тебя запомнили как человека герцога Мантуанского. Потом покупай что придется и уезжай...

– Куда, государь?

Гонзага указал на вершины, закрытые черными тучами:

– Туда, высоко в горы... Возьми побольше золота – сейчас его у меня много. Отыщи там нескольких молодцов понадежнее – французов ли, испанцев – неважно, лишь бы жили не в ладах с законом... контрабандистов, к примеру. Им не часто приходится видеть луидоры. Будь осторожен, ни в коем случае не забывай, что они люди гордые, и остерегайся оскорбить их. Все они готовы на убийство, но любят, чтобы к ним относились с уважением. Предупреди, что их услуги вот-вот понадобятся.

Понятно? Тогда иди и собирайся в дорогу. Вернешься через три дня, а я тем временем все здесь подготовлю. Торопись!

Глава VIII

Как Гонзага вступил в права наследства

Опасения, которыми Дория де Лагардер поделилась с Сюзон Бернар, а та – по простоте душевной – со своим мнимым женихом, были использованы коварным герцогом Мантуанским в своих целях.

Поняв причины, заставлявшие Лагардеров колебаться, Карл-Фердинанд начал действовать.

Часто, целуя малыша Анри, он вздыхал и шептал с тревогой и горечью:

– Бедный мой ангелочек! Король так честолюбив... Страшно подумать... ох уж эти бесконечные войны! Нет, все же величайшее из благ – это жизнь! Племянник, не дай тебе Бог изведать ужасы войны! Но ведь ты будешь принадлежать королю Франции!..

Рене вздрагивал от этих слов. Сына он любил безумно, до обожания, однако же он был человек военный. В его жилах текла горячая кровь, и он полагал, что Лагардерам суждено не только носить, но и как можно чаще обнажать шпагу. Столько его родичей сражалось и полегло на поле брани, что мысль о подобном конце для сына казалась ему хотя и грустной, но все же вполне естественной. Он думал так: «Карл-Фердинанд, конечно, не трус. Просто он, как и все в тех землях, – солдат для парадов. Он наверняка считает, что шпага – это только украшение. Но не таковы мы, Лагардеры!»

Однако Дория, прочитай она мысли мужа, не согласилась бы с его рассуждениями. Ей рисовалось поле боя, освещенное кроваво-красными лучами закатного солнца. Там, среди окоченевших трупов и молящих о помощи раненых, лежит ее Анри, ее бесценное сокровище – бледный, мундир изорван и запачкан кровью, – а рядом стоит, опустив грустную морду, его конь...

– Ах, – вздыхала она, – пускай он лучше будет герцогом в Гвасталле, нежели пэром во Франции! Нет, я не допущу, чтобы моего сына убили!

Материнские чувства взяли в ней верх, и она предложила своему зятю следующее:

– Можно сделать вот как. Мы с мужем отдаем вам титул и права, признанные за нами парижским парламентом, и вы получаете Гвастальское герцогство. Мы с Рене и Анри селимся во дворце моего покойного отца, причем вы даете нам хорошую ренту, чтобы сын наш был обеспечен, – на этом я настаиваю особо... Раз вы полагаете, милый кузен, что моя дорогая сестрица Винченца не сможет подарить вам наследника, то вы завещаете все своему племяннику. Согласны ли вы на это, мой друг?

Разумеется, Карл-Фердинанд был согласен! Предложение Дории устраивало всех. Только вот... что скажет король?

– Я не сомневаюсь, – отвечала Дория, – что его величество одобрит наши намерения. Мы же знаем: Людовик Четырнадцатый – не любитель напрасного кровопролития. Он ничего не делает без причины и за оружие берется лишь затем, чтобы защитить свое государство или своих подданных. Итальянские дела не касаются его напрямую.

Гонзага спросил еще:

– А что скажет Рене?

Но белокурая красавица только рассмеялась – муж боготворит ее и, конечно же, согласится на все!

В тот же вечер Дория де Лагардер – она была дочерью Евы, а потому ловким дипломатом – без труда убедила супруга в том, что он сам придумал этот хитроумный ход. Рене хотел своей семье только блага, и договор с герцогом Мантуанским пришелся ему по душе.

Его жена воротится на свою прекрасную родину, обретет прежнее положение в свете, прежних друзей – они будут жить вдвоем без забот и тревог, уверенные, что их сын не погибнет на войне и получит баснословное гвасталльское наследство.

На другой день свояки уселись за стол друг против друга и составили проект соглашения, которое Гонзага должен был передать на утверждение Королю-Солнце. Обговорив все, они скрепили документ своими подписями и печатами.

Тем же вечером Гонзага вошел в комнату к своему сообщнику, успевшему уже вернуться после трехдневной отлучки, со зловещей улыбкой протянул ему документ и сказал:

– Ну-ка, плут, прочти, поклонись мне пониже и признай, что я таки оказался похитрее тебя!

Пейроль проглядел бумагу и согнулся в глубоком поклоне:

– Признаю себя побежденным, государь! Только не знаю, чем более тут следует восхищаться – вашей ловкостью или же простодушием ваших... хм... благородных родичей.

Гонзага счел нужным похвалиться:

– Я вложил сюда все силы. Это настоящее произведение искусства!

– Вы совершенно правы, – поддакнул мошенник. – С этой бумагой, монсеньор, вам не страшны никакие суды, никакие обвинения!

Гонзага повернулся к нему спиной и с презрением бросил через плечо:

– А ты только и можешь, что в открытые двери ломиться! Дальше все пойдет само собой!

Он хотел было горделиво удалиться, но Пейроль несмело остановил его. Антуан, сам того не ожидая, привязался к Сюзон... Запинаясь, он спросил:

– Поскольку ваша светлость предусмотрел все случайности и Лагардеры добровольно отказались от Гвасталльского герцогства, надо ли непременно обращаться к этим... головорезам?

Карл-Фердинанд расхохотался. Подойдя с надменным видом чуть ли не вплотную к собеседнику, он прошептал:

– Ты же читал! Ты что, ничего не понял? Ведь там написано, что я обязуюсь платить этим чертовым Лагардерам чуть ли не королевскую ренту, да еще завещаю герцогские права их сыну – потомку каких-то помещиков! Думаешь, я вот так, за здорово живешь, отдам этим людям половину доходов, а себе оставлю какие-то жалкие гроши? Плохо же ты меня знаешь!

Не бывать этому гасконскому щенку гвасталльским герцогом!

А от Винченцы я скоро избавлюсь – может, разведусь, может... Короче говоря, избавлюсь, женюсь на девушке в моем вкусе – белокурой, похожей на кузину Дорию, и возьму за ней огромное приданое!

Пейроль снова низко поклонился:

– Я давно понял, что служу великому и весьма дальновидному государю.

Гонзага сухо кивнул и вернулся к себе. Он думал: «Хорошо, что конец уже близок. Рядом с Дорией я схожу с ума... Как жаль, что нельзя уничтожить только ее мужа и сына, а эту роскошную женщину оставить себе!»

Два дня спустя герцог Мантуанский и Антуан де Пейроль садились на коней, а Сюзон Бернар, укрывшись за занавеской, смотрела на них нежным взглядом и утирала слезы.

Они уезжали якобы в Версаль.

Рене предложил немного проводить их, но Карл-Фердинанд вскричал:

– Даже и не думайте! Будьте благоразумны! Вам завтра предстоит отправляться в дальнюю дорогу, так что нужно побереечь силы. Давайте же, Рене, обнимемся на прощание!

Дория подставила кузену щечку – и очень удивилась, когда тот в ответ холодно поднес к губам ее руку.

Гонзага упрекал себя: «Очень плохо! Я все еще не разлюбил ее... Похоже, я не успокоюсь, пока она не умрет. Тогда только удастся мне позабыть мою белокурую кузину...»

Итак, следуя совету герцога Мантуанского, Рене и Дория де Лагардер собрались в дорогу. Муж и жена едут верхом, а маленький Анри вместе с верной Сюзон Бернар путешествуют в карете.

В порту все сядут на корабль и направятся в Ливорно, а оттуда через Болонью, Модену и Парму – в Гвасталлу. Этот маршрут хорошо знаком чете Лагардеров – когда-то они выбрали его для своего свадебного путешествия...

В те времена дороги, особенно вдали от больших городов, были очень и очень небезопасны, поэтому позади следуют трое нанятых Рене де Лагардером могучих беарнцев, трое бывших королевских солдат, настоящих исполинов – верхом на лошадях, с пистолетами в руках и палашами на боку. Все они местные уроженцы, и нет причин сомневаться в их преданности.

Дория – в мужском наряде и вооруженная шпагой – радостно и бесстрашно смеется:

– Милый, нам не пристало никого бояться: твоя жена в драке не оплошает и сумеет постоять за себя!

Сюзон, чтобы прогнать печаль, поет старые беарнские песни. Она грезит о женихе. Ей нравится путешествовать, а пуще того – мысленно рисовать картины счастливой жизни в Гвасталле, где через несколько недель будет сыграна ее свадьба с Антуаном де Пейролем.

Как же благодарна она герцогу Мантуанскому!

Этот великодушный вельможа сам предложил своим родственникам без промедления, не дожидаясь его возвращения из Версаля, вступить во владение Гвасталльским герцогством. Тогда, мол, ему легче будет говорить с горделивым Бурбоном.

– Ваше величество, – сможет сказать он, – приговор парижского парламента исполнен. Прочее зависит от воли вашего величества. Вот проект соглашения, которое мы с Лагардерами передаем вам для одобрения – или же неодобрения...

Скоро стемнеет. Полиловевшие высокие вершины закрывают солнце. По долинам, где шумно кипят бешеные потоки, ползет густой туман.

Дышать все труднее: вот-вот грянет гроза, тяжелые, набухшие дождем тучи опускаются ниже и ниже, будто стремятся соединиться со стелющимися по-над землей туманами.

Еще полчаса, и дорога тонет в темноте. Лошади замирают на месте.

Рене находится по правую руку от кареты. Беарнцы спрашивают его:

– Что будем делать?

Молодой человек задумывается. До Лурда, где можно найти если не гостиницу, то хотя бы комнату для женщин с малышом, еще два часа езды. Но в горах гроза особенно опасна: страшна молния, страшны поваленные деревья, оползни...

Лагардер не успевает принять решение – до него доносится пронзительный женский вопль:

– Рене! Сюда! На помощь!

Что правда, то правда: отец малыша Анри и впрямь имел, как и многие счастливые мужья, скверную привычку «смотреть на все глазами жены», как говорится в народе. Но это вовсе не мешало ему оставаться одной из лучших шпаг Европы. Гонзага прекрасно знал о талантах Рене-фехтовальщика: когда-то им приходилось мериться силой на гвасталльских турнирах. Памятуя об этом, Карл-Фердинанд решил взять на службу четырех молодцов – тех самых, что нанял его сообщник в день похорон Сезара де Пейроля.

Эта компания стоила благородному герцогу очень недешево. Бретёры³⁸ любили хороших коней и модное платье. Будучи дворянами, они требовали высокой платы и не позволяли дурно

---

³⁸ Бретёр – человек, ищущий малейшего повода для вызова на дуэль.

с собой обращаться. Но зато они были истинными мастерами клинка – записными дуэлянтами, известными во всей Италии. В фехтовании секретов для них не существовало.

Можно было положиться и на их умение молчать.

Кстати сказать, они жили по своему кодексу чести – и за все блага мира не встретили бы пулей человека, вооруженного одной лишь рапирой.

Покуда Карл-Фердинанд расточал в поместье Лагардеров родственные ласки и расставлял погибельные сети, его наемные убийцы укрывались в горах и смертельно скучали. Им не доставало привычных прелестей итальянской жизни: ведь одно-два убийства – и бретер может целый месяц жить в свое удовольствие, кутить, играть в бассет, ухаживать за красотками, ночевать в чистой трактирии... короче говоря, предаваться всем смертным грехам и притом аккуратнейшим образом посещать церковь.

Пейроль появился как раз вовремя: молодцы заявили ему, что еще день-другой и они нарушили бы соглашение и вернулись домой.

Наш приятель утешил их:

– Отдых кончился, вы срочно нужны герцогу. Как только дело будет сделано, он рассчитается с вами, и вы немедленно исчезнете. Впрочем, можете быть уверены: вернувшись в Гвасталлу, герцог не забудет вашей службы и непременно заплатит вам еще.

Четверка приободрилась.

Маленький отряд скакал по горным тропам, где закружилась бы голова даже у мула. Путь указывали контрабандист и беглый каторжник, которые вели остальных к месту задуманного преступления.

В лесу они встретились с бандитами, нанятыми Пейролем несколько дней назад. Эти разбойники не хотели, чтобы их видели даже в какой-нибудь захолустной деревушке: встреча с королевским правосудием грозила им множеством неприятностей.

Их было десятеро – десять грубых мужланов, истинных зверей по натуре. За поясом у каждого торчал длинный нож, за спиной висел большой мушкет, а в кармане лежала праща – бесшумное и надежное оружие. Каждый из них мог уложить кулаком быка.

В честь Пейроля они даже немного приоделись. Этот тощий верзила платил щедро и в срок, так что деньги они собирались отработать честно.

Ночевали убийцы в лесу, прямо на земле, завернувшись в плащи. Итальянцы – люди изнеженные и не привыкшие к холоду – дрожали и ругались на чем свет стоит, но выбирать не приходилось...

Утром Пейроль важно объявил своим людям:

– По двое или по трое спускаемся в деревню и завтракаем; подкрепившись, собираемся здесь через два часа. Будьте осторожны!

В деревне Антуан встретился с переодетым Гонзага. Узнал он его без труда: герцог накинул пастушеский плащ, но не смог скрыть ни гордой осанки, ни величественной поступи, ни холёных рук. Карл-Фердинанд был взволнован и очень бледен.

– Если их не остановить, – сказал он, – сегодня вечером они будут здесь.

Пейроль взглянул на руки герцога и заметил, что они дрожат.

– Вы обеспокоены, монсеньор?

– Это нисколько тебя не касается, – отвечал герцог. – Позаботься-ка лучше о том, чтобы мы могли немедленно выехать им навстречу.

Теперь настал черед Антуана вздрогнуть. Ему претила сама мысль о нападении среди бела дня: могут увидеть, услышать... В его воображении замаячила плаха.

– Надо все предусмотреть, ваша светлость. Вдруг кто-нибудь придет им на помощь – что тогда будет с нами? Свидетели в таком деле ни к чему!

Герцогу пришлось принять его план. Они поедут следом за Лагардерами по горным тропам и нападут на них в тот момент, который сочтут для себя наиболее безопасным.

За час до захода солнца один из контрабандистов, имевший зоркие глаза, указал на путников внизу, в ущелье, и сказал Пейролю:

– Пора, как бы не опоздать. Грозы здесь не будет, однако вот-вот сгустится туман. Давайте спускаться, нас никто не увидит и не услышит... Скоро все будет кончено.

Роли были распределены заранее. Бандиты нападут на охрану, бретеры – на Рене де Лагардера, а герцог с Пейролем, надев маски, станут ждать поблизости и при необходимости вмешаются.

Карл-Фердинанд повторил свой приказ:

– Действовать быстро и беспощадно!

Повторяя про себя жестокие слова герцога, «жених» Сюзон вспоминал свою пылкую подружку и от ужаса стучал зубами. Но он отлично осознавал и другое: нельзя, чтобы хорошенькая горничная уцелела в предстоящей бойне, – слишком уж многое ей известно. Он как раз воображал себя во дворе замка По – помост, топор палача, любопытные зрители... – когда Карл-Фердинанд сильно толкнул его локтем в бок и тем самым отогнал тягостные видения.

Настала пора действовать. Лагардеры и их спутники были внезапно и бесшумно атакованы. Как вы помните, Рене, опустив голову, размышлял над тем, где же им остановиться, поэтому и не заметил появления врагов. Из задумчивости его вывел крик жены:

– Рене! Сюда! На помощь!

На Дорию напали четверо бретеров – из-за мужского платья они приняли ее за Рене.

Храбрая женщина тотчас выхватила шпагу. Она фехтовала умело и хладнокровно. Наследница Гонзага сражалась, защищая жизнь сына и свою собственную, и бормотала сквозь стиснутые зубы:

– Негодяи! Убийцы!

Пейроль и Карл-Фердинанд лицом к лицу встретились с Рене: он напал на них первым. Шпага Антуана отлетела в сторону; затем Лагардер прищипорил лошадь и сбил с ног герцога, который со стоном упал на землю. Рене помчался вперед, спеша на помощь жене. Сюзон Бернар побоялась покинуть карету и, прижав к груди малыша, без умолку вопила.

Герцог Мантуанский смог оценить фехтовальное искусство своего свояка. Шпага Рене встретилась с четырьмя приставленными к груди клинками – и вот уже один из наемников лежит с пронзенным горлом, а другой делает невероятный, поистине акробатический прыжок – и только этим и спасает себе жизнь. Впрочем, двое других целы и невредимы и храбро атакуют. Неудача товарищей их не обескуражила. Рене с Дорией вновь вынуждены защищаться.

Молодая женщина не забыла уроков фехтования, которые она брала когда-то в отцовском дворце: ее противник отступил. Он был пеший, и это давало путникам настолько явное преимущество, что Гонзага схватил своего сообщника за плечо и велел:

– Лошади... Стреляй!

Тот немедленно достал пистолет и выстрелил – почти одновременно с герцогом. Оба коня были убиты наповал. К счастью, всадников это не застало врасплох – они успели покинуть седла прежде, чем пали благородные животные. Из груди Рене невольно вырвался боевой клич предков:

– Лагардер! Лагардер!

Туман все сгущался. Схватка продолжалась уже на земле. Бретеры отступали и вот-вот обратились бы в бегство, если бы к ним на помощь не подоспел десяток бандитов, нанятых Пейролем. Эти гиганты в пять минут покончили с тремя солдатами и, услышав звонкий голос Рене, решили расправиться и с ним.

Молодой человек успел уложить одного из убийц, неосторожно напавшего на него спереди, но тут ему в спину вошло острое испанской рапиры, и он, захлебываясь кровью, упал на землю. Дорию же оглушили ударом кулака и закололи кинжалами.

Все было кончено. Лица супругов стали спокойными и умиротворенными, неподвижные глаза глядели в ночное небо. У маленького Анри не было больше ни отца, ни матери.

Герцог Мантуанский до тех пор стоял возле своих убитых родичей, пока не спохватился: «Я чуть не забыл о наследнике!»

Гонзага повернулся в сторону кареты, откуда по-прежнему неслись пронзительные вопли Сюзон, и позвал:

– Пейроль!

– Да, монсеньор? – ответил тот, невольно побледнев.

Карл-Фердинанд кивком указал на карету:

– Их надо убить.

– Убить?! – прошептал Антуан. – Неужели обоих?

– Обоих, – подтвердил Гонзага. Он стиснул руку своего сообщника так, что тот вскрикнул от боли, и беспощадно добавил: – Болван! Ты что, хочешь из-за этой девки лишиться головы? – Он взял Антуана за воротник и хорошенько встряхнул: – Ступай! Это приказ!

Пейроль, шатаясь, как пьяный, побрел, куда ему было велено. Стоял страшный холод, но он обливался потом...

Глава IX

Детство Анри

На другой день на рассвете туман рассеялся. Розоватое солнце осветило горную долину. Пастух по имени Пьер Бернак ехал верхом на муле, увешанном по испанскому обычаю крохотными звонкими колокольчиками и бубенчиками, и напевал. Он направил своего мула по королевской дороге, ведущей в По, – и спустя четверть часа его глазам открылось жуткое зрелище.

Поперек дороги в начавшей уже подсыхать луже крови лежали трупы пятерых людей и двух лошадей.

– Матерь Божья! – перекрестился Пьер Бернак.

Его мул, почуяв мертвых, уперся, захрипел и дальше идти отказался.

Неподалеку стояла карета с выпряженными лошадьми. В сердце доброго малого шевельнулась надежда:

– Может, кто-то еще жив?

Он спешился, привязал мула к березе и принялся с тоскою в сердце и со слезами на глазах осматривать поле боя.

Увы! Скоро он убедился, что все пятеро были мертвы. Пьер Бернак склонился над одним из трупов и не сдержал слез:

– Женщина!.. Да какая молодая, красивая!

Это была Дория де Лагардер. Она лежала с раскрытыми глазами; ее белокурые локоны рассыпались по земле. В руке она сжимала окровавленную шпагу. Убитая была настолько прекрасна, что пастух прошептал:

– Прямо как христианская мученица, о которых нам говорил господин кюре... Господи, помилуй нас, грешных!

С его уст непроизвольно сорвалась молитва. Почтив память погибших, Пьер Бернак поднялся с колен и решил заглянуть в карету: «Может, смогу кому-нибудь помочь?»

Он откинул занавеску. На сиденье лежала бледная Сюзон. На ее платье, чуть повыше левой груди, расплылось огромное темно-красное пятно. Рядом с горничной, сжав кулачок, спал малыш: должно быть, он всю ночь кричал, а к утру устал и затих...

– Ангелочек, – прошептал пастух. – Ясное дело – сынок той красавицы дамы. А эта черненькая – как видно, служанка.

Пьер осторожно коснулся лица Сюзон, ее шеи... затем его рука скользнула под корсаж...

– Сердце бьется! – воскликнул он. – Слава Богу, жива!

Местные жители считали его костоправом, а некоторые – хотя сам он с ними и не соглашался – даже колдуном. Он хорошо знал свойства всех трав, растущих в округе, и успешно лечил множество болезней, не говоря уже об ушибах, вывихах и переломах. Короче, он был тем, что называется нынче – «народный целитель».

Он осмотрел рану девушки и улыбнулся:

– Царапина... Ничего, справимся...

Бережно приподняв Сюзон, он поднес к ее губам заветную для любого пастуха флягу с водкой. Девушка застонала и открыла глаза. Увидев склонившегося над ней рыжеволосого детину, она заломила руки и запричитала:

– Пощадите! Пощадите! Не убивайте! – И, немного передохнув: – Антуан! Негодяй! Проклятый предатель!

«Бредит, – подумал Пьер. – Еще бы! Она так намучилась, бедняжка... Ничего, я помогу ей!»

Анри проснулся и заплакал.

Зов ребенка – беззащитного маленького существа – заставил Сюзон Бернар забыть о себе. Она прижала мальчика к окровавленной груди и воскликнула:

– Они не убили его! Слава тебе, Боже!

И вот уже, выйдя из кареты, она стоит, опершись на могучую руку Пьера Бернака, и со страхом озирается вокруг.

– Что тут было? – спросил пастух.

Сюзон содрогнулась всем телом, закрыла лицо руками и зарыдала;

– Какой ужас! Ах, если бы я догадалась! Значит, во сне он не солгал!

– Как это – во сне? – не понял пастух.

– Потом объясню, – отмахнулась Сюзон и взмолилась: – Спаси нас, братец, если только в груди у тебя бьется христианское сердце! Пожалей несчастного малыша!

– Всей душой рад помочь вам, но ты прежде скажи...

– Не сейчас, братец, не сейчас!

– Надо же власти известить...,

– Нет-нет, не надо! Бежим отсюда!

– Да в чем дело-то? – не отставал пастух.

Сюзон схватила его за руки:

– От нашего молчания зависит жизнь малыша... Мы с тобой ничего не знаем, ни о чем не слышали! Если скажем хоть слово – они убьют его: не сейчас, так через год, через два, через десять. Клянусь тебе, что это правда!

Пьер Бернак мало что понял. Он почесал затылок и подумал: «Это все дела господские, зачем мне в них соваться? Надо и впрямь поскорее удирать отсюда!»

Женская прозорливость сослужила горничной хорошую службу: Сюзон прочитала мысли славного пастуха.

Она вновь схватила волосатую лапищу Пьера Бернака и патетически воскликнула:

– Только ты можешь спасти жизнь невинного младенца! Мы сядем с ним на твоего мула, и ты отвезешь нас высоко-высоко в горы, под самые облака, куда никогда не доберутся наши враги и жестокие наемные убийцы! Нет-нет, мы не будем тебе в тягость! Нам многого не надо, клянусь тебе! Я стану в твоём доме служанкой... или даже... – Девушка смущенно потупилась. – Или даже твоей женой. Ради мальчика я на все согласна!

Пастух пожал плечами и насупил. В сердце этого грубого простолюдина было куда больше благородства, чем в сердце герцога Мантуанского или Антуана де Пейроля. Предложение горничной задело его, и он проворчал:

– Ну-ну, хватит болтать! Бери мальчонку и поехали!

И они свернули с королевской дороги на узенькую тропу, поднимавшуюся к самым вершинам, сияющим вечными снегами...

Сделав свое подлое дело, Гонзага и Пейроль расстались и с бретерами и с наемниками. Четверо молодцов отправились через Тулузу в Каркассон. Больших дорог они сторонились. Один из убийц был ранен в шею, другие получили менее серьезные увечья, однако же глубокие шрамы всю жизнь будут напоминать им о встрече с Лагардерами. Отыскав уединенный монастырь, они задержались там для лечения.

Монахам они рассказали о мнимой дуэли, будто бы затеянной с ними какими-то негодьями после плотного ужина с обильными возлияниями.

– Кровь у нас закипела, вот мы и...

Монахи им поверили. Платили четверо приятелей щедро, молились усердно – лучших постояльцев представить трудно.

Монастырская братия ничего не заподозрила: слухи о жестоком убийстве не дошли до их высокогорной обители...

Ну а нанятые Пейролем контрабандисты исчезли в своих туманных ущельях без следа...

Герцог и его сообщник загнали в скачке лошадей. Купив новых, они добрались до Оша и там, довольные своим успехом, сели в почтовую карету и поехали в Париж... Кстати сказать, Пейроль по приказанию хозяина еще и порылся в поклаже убитых: одно преступление непременно влечет за собой другое.

Когда трупы были обнаружены местными жителями, Пьер Бернак и те, кого он спас, давно уже уехали. Карманы и дорожные сундуки путешественников были пусты. Налицо явное ограбление, заключил балы³⁹.

Судебное разбирательство вел сам губернатор Беарна, однако вскоре его пришлось прекратить за недостатком улик. Убийство приписали разбойникам, бродягам или контрабандистам.

Рене с женою и трое несчастных беарнцев были торжественно погребены в Аржелесе. Граф д'Аркашон, присутствовавший на траурной церемонии, был скорее озабочен, чем опечален. Он думал о малыше Анри и о служанке госпожи де Лагардер. «Что же с ними случилось? – гадал граф. – Кто их похитил и зачем?»

Вернувшись в По, он составил королю подробный отчет. Таким образом, Карл-Фердинанд IV узнал о разыгравшейся трагедии от самого Людовика XIV.

Герцог, не скрывая слез, заплакал. Двор сочувственно шушукался.

Два дня спустя все придворные слушали в соборе Святого Людовика большую успокоительную службу по Лагардерам. Затем Гонзага, надевший траур, попрощался с его величеством. Он едет в Мانتую, объявил герцог, но позже непременно вернется во Францию и сам разыщет своего племянника... Покамест он отдал распоряжения на этот счет и написал подробное письмо графу д'Аркашону.

О гвастальском наследстве герцог не сказал ни слова. На следующий же день по прибытии его светлости в Версаль Пейроль передал одному из главных служащих при Кольбере⁴⁰ проект соглашения за подписями Рене и Дории.

Гонзага оказался вне подозрений. Судьи всегда задают вопрос: «Кому выгодно преступление?» Но кто бы посмел обвинять герцога Мантуанского: ведь согласие между родичами было уже достигнуто!

Узнав, что среди убитых нет ни Сюзон, ни маленького Анри, Карл-Фердинанд едва не задушил Антуана де Пейроля. Тот, позеленев со страху, упал перед герцогом на колени:

– Клянусь вам, монсеньор, я собственноручно проткнул шпагой и служанку и ребенка! Должно быть, они испустили дух в хижине лесорубов или пастухов... Впрочем, государь, женщина все равно бы ничего не сказала.

– Почему это? – спросил герцог.

– Я действовал не только шпагой, но и угрозами!

Больше Антуан де Пейроль ничего не объяснил своему повелителю. В ту страшную ночь молодой негодяй не посмел убить Сюзон с мальчиком, и теперь он радовался этому обстоятельству, ибо находил свое положение превосходным: «Надменный герцог у меня в руках. Я знаю все его секреты, и ему от меня не отделаться. До самой смерти его будет преследовать страх, и бояться ему придется не только моего предательства, но и того, что к нему явится этот оставшийся в живых сирота!»

---

³⁹ Королевский чиновник, глава судебной администрации округа.

⁴⁰ Жан-Батист Кольбер (1619–1683) – выдающийся государственный деятель эпохи Людовика XIV, генеральный контролер финансов; проводил политику поощрения промышленности и торговли.

Впрочем, достойный сын Сезара-отравителя отнюдь не лгал Карлу-Фердинанду, когда уверял, «его Сюзон будет молчать». Он хорошенько припугнул девушку, прежде чем ударить ее шпагой, и она, как вы помните, ничего не рассказала Пьеру Бернаку.

Пастух жил в небольшом домишке в горах над Лурдом – туда и отвез он своих подопечных. Чистейший прозрачный воздух, безлюдье, безопасность, здоровье...

Благодаря мазиям горца рана девушки быстро затянулась; немаловажно было и то, что Сюзон всегда отличалась веселым нравом и крепким здоровьем. Оправившись, она целиком отдалась заботам о воспитании сиротки Анри.

Он рос на козьем молоке и сыре, грубом хлебе и жареных каштанах. Шли дни, и в Сюзон крепло убеждение, что с годами малыш Анри превратится в сильного и привлекательного мужчину.

Пьер Бернак, прежде одиноко живший среди горных вершин, привык к Сюзон и ребенку и очень привязался к ним. Он обрел цель в жизни. Развалюху свою пастух починил, а напевал он теперь почти всегда.

Однажды он сказал Сюзон:

– Давай жить как муж и жена. Согласна?

Смущенно улыбнувшись, она ответила:

– Ты человек честный; если хочешь, я могу быть тебе подружкой. Но лишить себя свободы я не имею права и венчаться с тобой не стану.

Видя, что Пьер от изумления раскрыл рот, Сюзон объяснила:

– Теперь моя жизнь принадлежит этому мальчику. Ничего не поделаешь – он ведь осиротел и по моей вине...

И Пьер Бернак смирился: спорить и настаивать он не умел.

А что же власти? Неужели они так и не узнали о появлении в хижине пастуха Сюзон Бернар и Анри? Да нет, узнали, разумеется! Вот как было дело.

Спустя неделю после кровавой трагедии Пьер Бернак рассказал в деревне о том, что нашел в снегу на перевале полуживую женщину с маленьким мальчиком. Он ничего о них не знал: после пережитых опасностей женщина потеряла память.

В домишко пришел кюре: в те времена настоятели приходов вели хронику рождений, браков и смертей. Он стал ласково расспрашивать бедняжку о случившемся.

Сюзон сыграла свою роль превосходно.

Она, мол, ничего не помнит – так трудно пришлось ей в горах, помнит только, что ее зовут Мариетта, а мальчика – Луи.

Больше добрый старик ничего от нее не добился.

Вернувшись в деревню, он доложил обо всем местным властям, а те уж в свою очередь отправили доклад графу д'Аркашону. Откуда губернатору было догадаться, кто такие эти Мариетта и Луи? А вскоре его и вовсе перевели губернатором в Прованс. Тем дело и кончилось.

Однажды солнечным летним днем, когда Пьер Бернак пас в долине свое стадо, возле хижины появился всадник. Сюзон вскрикнула:

– Пейроль! – И упала в обморок.

Она не ошиблась – это был Антуан. Спешившись, он привел ее в чувство и попытался успокоить:

– Я приехал как друг... Сюзон, душенька... я...

Она оттолкнула его:

– Убийца! Предатель! Ненавижу!

– Тише, тише, милая!

– Пошел вон, душегуб!

Он схватил ее за руки:

– Ты замолчишь, наконец?! Я не убийца, Сюзон, клянусь тебе! Не я придумал эту бойню. Мне было велено убить вас, но я пощадил и тебя и Анри. Разве не так? Посмей только сказать, что я лгун!

Ей пришлось признать его правоту. Тогда он продолжал:

– Герцог Мантуанский, мой хозяин, думает, что вы с малышом погибли. Утром я незаметно уехал из замка и поспешил сюда, чтобы сказать тебе: хочешь остаться в живых и спасти Анри – молчи! Знай: за вами тайно следят и будут следить всегда, днем и ночью, зимой и летом. Ты слышишь меня? Всегда! Анри ни в коем случае не должен узнать, что он сын Рене де Лагардера и наследник герцога Гвасталльского. Иначе он и недели не проживет!

Сюзон собралась с силами и ответила:

– Здесь был кюре. Я сказала ему, что заблудилась в горах и забыла свою прежнюю жизнь...

– Это ты хорошо придумала, – одобрил Антуан. – А имена ты не догадалась изменить?...

– Я назвалась Мариеттой. Малыша зовут Луи, а больше, мол, я ничего не помню. Кюре записал мальчика под именем Луи Вердаля, рожденного от неизвестных родителей.

Пейроль исподлобья посмотрел на нее.

В беспутных утехх последних месяцев он совсем позабыл об их недавнем романе. Да и был ли он способен дорожить кем-либо?

– Берегись! – бросил он и вскочил в седло.

В тот же вечер он вернулся к Карлу-Фердинанду, который под предлогом поиска своего загадочно исчезнувшего племянника жил пока в Лурде.

Отчет подручного весьма его обрадовал:

– Вот и чудесно! Значит, служанка нам мешать не будет. Теперь мы еще несколько дней поедем для вида по округе и отправимся в почтовой карете в Италию. Все, мерзавец ты этакый, гвасталльское наследство наше!

Дни бежали, и однажды в декабре случилось несчастье: Пьер Бернак погиб под снежной лавиной. Добряк кюре взял мнимых Мариетту и Луи к себе в дом. Женщина стала его служанкой, а мальчик – учеником, удивительно сообразительным и прилежным.

Достойного пастыря звали отец де Трен. Во времена, когда Мазарини⁴¹ вмешался в Тридцатилетнюю войну⁴², он служил офицером и храбро сражался.

Овдовел он рано и, преисполнившись отвращения к светской жизни, постригся. Приход, полученный отцом де Треном, оказался высоко в горах, близко к небу. Кюре любил своих прихожан, прихожане любили его – и сердце отца де Трена было преисполнено благодарности к Богу.

Анри был уже напичкан греческим и латынью, историей и географией. Но в нем проснулось и лукавство. Чтобы вознаградить себя за достойное восхищения усердие, он увлекал своего добровольного наставника на путь воспоминаний:

– Помнится, отец мой, вы начали вчера рассказывать мне о вашей встрече с принцем Конде в битве при Рокруа...⁴³

---

⁴¹ *Джулио Мазарини* (1602–1661) – итальянец по происхождению, в 1639 г. принял французское подданство; кардинал, первый министр Франции во время регентства Анны Австрийской.

⁴² Война, в которой Франция выступила на стороне антигабсбургской коалиции, вместе со Швецией и Данией при поддержке Англии, Голландии и России.

⁴³ Луи II, принц де Бурбон-Конде (1621–1686) был прозван Великим Конде. Прославленный полководец, он одержал множество побед в период царствования Людовика XIII и его сына Людовика XIV, в том числе над испанцами в битве при Рокруа (1643) в Арденнах.

И тогда вместо священника юный хитрец видел перед собой воина: голос кюре крепчал, в нем слышались громовые раскаты, и Сюзон Бернар, стиравшая белье или чистившая скромное столовое серебро, очень пугалась.

Слушая воспоминания де Трена, ребенок дрожал от волнения и восторга. Слова «шпага», «дуэль», «бой» заставляли его сжимать кулачки и закусывать губы. Священник, весь предавшись своим грезам, ничего не замечал, но бывшая служанка Дории думала про себя: «Господи Иисусе! В его жилах течет кровь благородных предков, и отец де Трен, сам того не желая, заставляет ее кипеть!»

Но не ошибалась ли Сюзон? Точно ли так силен был зов крови? Вне всякого сомнения! Мальчик давно уже хотел узнать свою настоящую фамилию.

Добрый старик записал его в книгу под именем Луи Вердаля, но не посчитал нужным скрывать от него:

– Мы не знаем, дорогой Луи, кто твои родители. Мариетта некогда попала в наших горах в беду и пережила такое потрясение, что совсем потеряла память. Есть такая болезнь, ученые называют ее амнезией. Как ее лечить – неизвестно. Она может пройти так же внезапно, как и началась, – и тогда Мариетта все вспомнит.

Анри уверенно ответил:

– В моих бумагах вам следовало написать: Луи де Вердаль.

Священник улыбнулся и ничего не сказал.

Он догадывался, что его ученик – такой одаренный, так любящий рассказы о военных походах – благородного происхождения, но рассуждал следующим образом: «Неважную службу я ему сослужу, если укреплю в таких мыслях: у него ведь ни гроша за душой. Не станет меня – а этот день уже недалек, – и никто его не защитит. Лучше ему не строить воздушных замков...»

...Однажды утром кюре не пришел по обыкновению на кухню поздороваться с Сюзон Бернар. Служанка решила, что он заболел, и постучалась к нему в комнату. Никто не ответил. Тогда она решилась открыть дверь... Добрый старик умер во сне, умер, как засыпают младенцы; на губах его еще блуждала легкая улыбка.

Так Анри и Сюзон потеряли своего благодетеля...

Тоска пронзила сердце женщины. На кого же им теперь опереться? Как жить? Как ей прокормить мальчика? Сюзон решила было уйти отсюда и поселиться в каком-нибудь городишке, чтобы наняться там в служанки, но по здравом размышлении передумала:

– А вдруг там кто-нибудь признает во мне горничную покойной госпожи де Лагардер? Тогда уж нетрудно будет догадаться, кто таков мой мальчик, и Пейроль с герцогом Мантуанским тут же убьют его! Господи, но куда же нам податься, где найти покой?

Пока она терзалась сомнениями, Анри и еще несколько сорванцов – его сверстников – побежали посмотреть на балаган комедиантов, стоявший в четверти мили от деревушки в долине, раз и навсегда отведенной всем бродягам и цыганам.

Вечером Анри воротился и сказал Сюзон:

– Я решил зарабатывать тебе и себе на хлеб и нанялся к балаганщику. Похороним отца де Трена и сразу же отправимся. Так что собирайся!

Вы думаете, женщина стала возражать?

Ничуть не бывало! Мальчик был ее господином. К тому же она знала, что он не по годам рассудителен, учен, хладнокровен и смел.

Малыш Лагардер довольно улыбнулся, увидев, что с ним не спорят, и добавил:

– Ведь я самый сильный и самый ловкий мальчишка в округе! Помнишь, сколько раз я участвовал в состязаниях? И я всегда побеждал! Тот, кого здесь зовут Луи, бывал первым и в беге, и в плавании, и в поднятии тяжестей, и в прыжках. Я даже взрослых иногда опережал!

Сюзон кивнула. Мальчик говорил правду: его сила была здесь известна всем. Анри продолжал:

– Я показал кое-что из того, что умею, балаганщику Пабло. Ему понравилось. По его словам, из меня можно сделать... подожди, как это называется? Ага, вспомнил: гвоздь программы! Правда, он еще не знает, кем я стану – эквилибристом, борцом или человеком-змеей. Но я-то уверен, что славу себе я завоюю со шпагой в руке! Идем, Мариетта. Тебе пора собирать вещи.

Глава X

«Кто же я?»

Труппа Пабло шла на север. Почему-то – никто не знал почему – хозяин ее хотел дойти до Фландрии, а по пути побывать в Париже и, возможно, в Версале.

Это была очень странная труппа. До появления в ней Сюзон и Анри она состояла из самого хозяина – высокого, загорелого человека со жгуче-черными волосами и узкими золотистыми глазами, его жены – усатой и сварливой бабищи огромного роста, беспрестанно кричавшей, что ей все надоело, и бранившей Пабло, и полудюжины их детей обоего пола – хорошеньких, как амурчики; самому младшему было десять лет, а самому старшему – восемнадцать.

Все они распевали разные забавные песенки, ходили по канату, глотали огонь и шпаги, плясали, предсказывали судьбу... Как известно, в те времена строгие моралисты и духовные лица не жаловали комедиантов – частью из-за вольных нравов актрис, частью из-за прочно укоренившихся предрассудков, которые у каждого века свои. Их даже не хоронили в освященной земле.

Им хлопали, швыряли монеты, – но при этом власти требовали, чтобы ночевали они в чистом поле. Впрочем, справедливости ради скажем, что зачастую подобное отношение было оправданным: приезд бродячих комедиантов сопровождался скандалами и всяческими безобразиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.